

Прекрасный роман о любви длиной в жизнь...
Кин пишет о вечном — о семье, предательстве, прощении —
глубоко и проникновенно.

DAILY MAIL

ДА — ТОГДА И СЕЙЧАС

МЭРИ БЕТ КИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

Мэри Бет Кин
Да – тогда и сейчас

Издательство «Синдбад»

2019

Бет Кин М.

Да – тогда и сейчас / М. Бет Кин — Издательство «Синдбад»,
2019

ISBN 978-5-00-131237-6

Когда семьи Глисон и Стенхоуп становятся соседями, чувствующая себя одинокой на новом месте Лина Глисон ищет компании соседки, но холодная и неуравновешенная Энн Стенхоуп желает, чтобы ее оставили в покое. Дружба завязывается между их детьми – Кейт и Питером, младшей дочерью Лены и единственным ребенком Энн. С годами детская привязанность перерастет в нечто большее... Но одно из их невинных свиданий становится причиной жуткой трагедии, которая навсегда изменит жизнь обеих семей. Глисоны и Стенхоупы разъедутся кто куда, и следующие тридцать лет Кейт и Питер проведут, пытаясь найти объяснение тому, что произошло. А затем они встретятся. Удастся ли им помочь друг другу понять и простить?

ISBN 978-5-00-131237-6

© Бет Кин М., 2019

© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

Пролог	6
Гиллам	13
Глава первая	13
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвертая	38
Глава пятая	44
Куинс	52
Глава шестая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мэри Бет Кин

Да – тогда и сейчас

Copyright © 2019 by Mary Beth Keane

Published in the Russian language by arrangement with *Chris Calhoun Agency and Jenny Meyer*

Literary Agency

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

Корпус Права

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2023

* * *

Оуэну и Эмметту

Пролог

Июль 1973

Фрэнсис Глисон, высокий и стройный в светло-синей полицейской форме, спрятался от солнца в тени приземистого каменного здания, в котором располагался сорок первый полицейский участок. На пожарной лестнице соседнего дома, на четвертом этаже около сто шестьдесят седьмой квартиры сушились колготки. В ожидании своего напарника, копа-стажера Стенхоупа, Фрэнсис отметил неподвижность этих призрачных ножек, изящный изгиб возле предполагаемой пятки. Дом напротив вспыхнул прошлой ночью, повторив судьбу многих домов в этом районе: в глубине выгоревшего подъезда чернела лестница. Заревом любовались соседские ребяташки, по случаю первого жаркого дня ночевавшие на балконах и крышах. Теперь Фрэнсис слышал, как за углом малышня умоляет пожарного оставить открытым хоть один гидрант. И представлял, как дети подпрыгивают на успевшем раскалиться асфальте.

Фрэнсис посмотрел на часы и перевел взгляд на двери участка, гадая, куда запропастился Стенхоуп.

Восемьдесят восемь по Фаренгейту, а ведь нет еще и десяти утра. Америка – страна суровая, зимой ¹здесь холод обжигает лицо, а летом духота такая, словно дышишь болотной жижей.

«Опять это твое ирландское нытье, – сказал ему утром дядя Пэтси. – Жара, жара, жара...» Правда, Пэтси день-деньской разливал пиво в прохладном баре, а Фрэнсис патрулировал улицы – пятнадцать минут походишь, и под мышками уже темные круги.

– Где Стенхоуп? – спросил он у стажеров, которые, как и он, собирались на смену.

– Со шкафчиком возится, – бросил один из ребят не оборачиваясь.

Наконец спустя еще целую минуту Брайан Стенхоуп появился в дверях. С Фрэнсисом они познакомились в полицейской академии и по воле судьбы оба оказались в сорок первом участке. Как-то раз после занятий по тактике Брайан нагнал Фрэнсиса у входа в аудиторию:

– Ты ведь ирландец, да? В смысле натуральный, из Ирландии? Прямо с корабля?

Фрэнсис ответил, что он с запада, из Голуэя. И прибыл самолетом, мысленно добавил он.

– Я так и понял. У меня подружка тоже оттуда, из Дублина. Вот и хочу у тебя кое-чего спросить.

Фрэнсис подумал, из Голуэя что до Дублина, что до Нью-Йорка. Но янки этого не объяснишь.

Фрэнсис напрягся – вопрос мог оказаться неудобным. Это было первое, что он подметил в Америке: местные запросто спрашивают все, что только в голову взбредет. Где ты живешь? С кем живешь? Сколько платишь за квартиру? Что делал на прошлых выходных? Фрэнсису, который испытывал неловкость всякий раз, когда выкладывал покупки на ленту в магазине, это казалось чересчур. «Вечеринка намечается», – заметил кассир в прошлый раз. Упаковка «Будвайзера». Пара картофелин. Дезодорант.

Брайан стал рассказывать, что подружка его совсем не общается с другими ирландцами. Ей всего восемнадцать, и повсюду одна ходит. Бывает, думаешь, она подружку или там кузину приведет – а она одна является. Могла бы себе хоть в соседки ирландку найти. Их же везде полно. Она на медсестру учится, проходит стажировку в клинике Монтефиоре и в общежитии живет с цветной девчонкой, тоже медсестрой. Это у ирландцев так принято? А то Брайан до этого немножко с русской девушкой гулял, так она только с русскими и тусовалась.

– Вообще-то я сам ирландец, – добавил Стенхоуп, – но мои сюда давным-давно приплыли.

¹ Приблизительно 31 градус по шкале Цельсия. – *Здесь и далее прим. ред.*

Еще одна американская фишка. Здесь решительно все – ирландцы, чьи предки приплыли сюда давным-давно.

– Может, твоя девушка просто умная, раз старается держаться подальше от нашего брата, – невозмутимо заметил Фрэнсис.

Дошло до Стенхоупа не сразу.

В день выпуска перед новоиспеченными полицейскими выступал сам мэр Линдси. Фрэнсис сидел в третьем ряду и думал о том, как странно видеть наяву человека, на которого привык смотреть по телевизору. Родился Фрэнсис в Нью-Йорке, младенцем был увезен в Ирландию и вернулся в Штаты накануне девятнадцатого дня рождения с американским паспортом и десятью долларами в кармане. В аэропорту Джона Кеннеди его встретил Пэтси, брат отца, взял у него сумку и бросил на заднее сиденье своей машины.

– Добро пожаловать домой! – приветствовал он племянника.

Считать домом эту громадную чужую страну казалось чудно. Уже на следующий день Пэтси приставил Фрэнсиса к работе в своем пабе, что располагался в Бей-Ридже, между Третьей авеню и Восемнадцатой улицей. На вывеске красовался трилистник клевера. Первая же посетительница заказала пиво, и Фрэнсис поставил перед ней высокий бокал.

– Ну и что это, по-твоему? – спросила женщина. – Полпинты?

Она обвела взглядом барную стойку: перед каждым посетителем – а это были сплошь мужчины – стояла большая кружка.

Фрэнсис показал ей кружку на одну пинту.

– Вы такую хотите? – спросил он. – Целую?

Догадавшись, что мальчишка не только в пабе, но и в Америке без году неделя, посетительница перегнулась через стойку, пригладила ему волосы и потрепала по щеке.

– Угадал, красавчик, – сказала она.

Как-то раз, примерно через год после того, как Фрэнсис ступил на американскую землю, в паб зашли двое молодых полицейских. Они показывали всем фоторобот преступника, попутно обмениваясь шутками с Пэтси, Фрэнсисом и друг с другом. Когда копы уже собрались уходить, Фрэнсис набрался смелости и, как заправский американец, забросал их вопросами. Где учат на полицейских? Это очень трудно? Сколько им платят? Копы разговорились не сразу. Дело было в феврале, Фрэнсис ходил в старом дядином свитере и на фоне парней в отглаженной форме и щегольских фуражках выглядел сущим оборванцем. Потом коп, что был пониже ростом, признался, что раньше работал на автомойке своего брата на Флашинг-авеню. Хотя там все уже автоматизировали, брызги долетали до него все равно, и зимой к концу смены он замерзал как собака. Жуткая работенка! К тому же девчонкам полицейские нравятся больше мойщиков.

Его напарник отвечал немного через губу. Он стал копом, потому что копом был его отец. И двое дядьев. И дед. У него служба в крови.

Фрэнсис вспоминал об этом разговоре до самой весны. На улице, в метро, в телевизоре он невольно цеплялся взглядом за людей в полицейской форме. И даже сходил в участок, спросить, какие экзамены надо сдавать, когда и где. Когда Фрэнсис рассказал о своих планах дяде Пэтси, тот заявил, что задумка отличная – каких-то двадцать лет, и ты на пенсии. В его устах «двадцать лет» звучало как сущий пустяк, хотя это было больше, чем Фрэнсис успел прожить на свете. Через двадцать лет, если тебя не убьют, получишь заслуженный отдых. Фрэнсис мысленно разделил свою жизнь на отрезки по двадцать лет каждый и впервые задумался, сколько таких отрезков у него впереди. Молодость – великое дело, утверждал Пэтси. Жаль, он не понимал этого в свои девятнадцать.

После выпускного их разделили на группы и отправили на стажировку в разные участки. Фрэнсис и еще три десятка ребят, в их числе и Брайан Стенхоуп, попали в Браунсвилл, а потом

в Бронкс, где и началась настоящая работа. Фрэнсису исполнилось двадцать два. Брайану было на год меньше. Они не то чтобы сблизились, но видеть на планерках знакомое лицо было приятно. Ничего такого, к чему Фрэнсис готовился, пока не происходило. Даже участок оказался совершенно не таким, каким он его себе представлял, когда поступал в академию. Снаружи выглядел он не особо – облупленный, загаженный птицами фасад с колючей проволокой, протянутой по крыше. Но внутри было еще хуже. Стены, пол, потолок – все либо сырое, либо облупленное, либо липкое от грязи. Батарея в совещательной комнате треснула пополам, и под нее подставили старую кастрюлю. Штукатурка сыпалась с потолка прямо на столы, документы и головы. В камеры на троих упикивали по три десятка задержанных. Вместо того чтобы пригласить новичков к опытным наставникам, их отправляли в патруль с такими же новичками.

– Слепой ведет слепого, – пошутил тогда сержант Рассел и пообещал, что это ненадолго. – А пока постарайтесь не наделать глупостей.

А теперь Глисон и Стенхоуп, миновав сгоревшее здание, направлялись на север. Вдалеке в очередной раз заверещала пожарная сигнализация. Новоиспеченные патрульные могли показать очертания своего участка на карте, но собственными глазами их пока не видели. Машины распределялись по старшинству, а в утреннюю смену выходили в основном «старики». Можно было доехать до границы участка на автобусе, а оттуда двинуться пешком, но Стенхоуп заявил, что в автобус в форме не полезет, – бесит, когда все вокруг напрягаются и начинают пялиться.

– Тогда пойдем своим ходом, – предложил Фрэнсис.

И, обливаясь потом, они принялись обходить квартал за кварталом; у каждого на поясе – дубинка, наручники, рация, пистолет, патроны, фонарик, перчатки, блокнот, карандаш и связка ключей. В иных кварталах их встречали только груды щебня да сгоревшие машины, и патрульные внимательно глядели по сторонам, проверяя, не прячется ли кто-нибудь среди обломков. Девчонка кидала теннисный мячик о стену дома. Посреди тротуара валялась пара костылей, которые Стенхоуп не преминул пнуть. Каждый дом, каждую оставшуюся стену покрывали граффити. Завиток за завитком, их причудливые изгибы и петли заключали в себе движение, жизнь, и на сером фоне казались кричаще-яркими.

Утренняя смена – подарок судьбы. Если нет ордеров на арест, до обеда почти всегда тихо. Свернув на Южный бульвар, молодые патрульные почувствовали себя путешественниками, которым удалось благополучно пересечь пустыню. Вместо безлюдных, точно вымерших проулков перед ними возникли вереницы машин, витрины магазина мужской одежды с костюмами самых разных цветов, винные лавки, магазин открыток, парикмахерская и бар. На углу приветственно мигнула фарами полицейская машина.

– А у меня жена на сносях, – сообщил Стенхоуп, нарушив долгое молчание. – Ко Дню благодарения должна родить.

– Ты ирландка? – спросил Фрэнсис. – Вы поженились?

Он попытался вспомнить: когда Стенхоуп говорил о своей девушке, еще в академии, они были помолвлены? Разговор состоялся в ноябре, то есть всего четыре месяца назад.

– Ага, – кивнул Стенхоуп. – Уже две недели как.

Церемония прошла в городской ратуше. Потом был обед на Двенадцатой улице, во французском ресторанчике, про который Стенхоуп вычитал в газете; у тамошних блюд оказались непристойные названия, и, чтобы сделать заказ, пришлось тыкать пальцем в меню. Энн в последний момент пришлось переодеться: свадебное платье оказалось ей уже мало.

– Она хочет обвенчаться, как только ребенок родится. Мы собирались проверить это по-быстрому, но нам везде отказали, и живот не помог. Теперь Энн надеется устроить, чтобы венчание и крещение были в один день. В смысле друг за другом.

– Брак есть брак, – признал Фрэнсис и горячо поздравил напарника.

Не дай бог, Стенхоуп заметит, что он считает в уме. Не по ханжеству, просто по ирландской привычке, – ничего, скоро отвыкнет. В Америке все по-другому. Здесь женщины водят

такси, в церковь можно зайти в шортах и футболке. По Таймс-сквер люди гуляют чуть ли не в трусах.

– Хочешь, я ее тебе покажу? – спросил Стенхоуп, снимая фуражку.

Он достал из-за подкладки фотографию хорошенькой блондинки с изящной, длинной шеей. Там же, за подкладкой, вместе с образком архангела Михаила, хранился снимок юного Брайана с каким-то парнишкой.

– Кто это? – спросил Фрэнсис.

– Мой брат, Джордж. Это мы на стадионе.

Фрэнсису не приходило в голову носить фотографии за подкладкой фуражки, а сложенный вдвое образок архангела Михаила он хранил в бумажнике. В день выпуска он сделал предложение Лине Теобальдо, и она сказала да. Не за горами то время, когда он сам похвастается парням, что скоро станет отцом. Лина была наполовину полькой, наполовину итальянкой. Когда Фрэнсис украдкой наблюдал, как она роется в сумочке или чистит яблоко, придерживая пальцем нож, его охватывал ужас: а что, если бы они не встретились? А что, если бы он не приехал в Штаты? А если бы ее родители не приехали? Где еще, кроме Америки, итальянец и полька могли пожениться и заделать такую дочку? А если бы он не работал в пабе в тот день, когда она зашла спросить, нельзя ли снять зал для семейной вечеринки? Ее сестра поступила в колледж, рассказала Лина. Очень умная девочка, ее даже взяли учиться бесплатно, дали полную стипендию.

– Вы тоже поступите, когда окончите школу, – ободрил ее Фрэнсис.

Лина рассмеялась. Оказалось, она окончила школу год назад, но в колледж не попала. Ну и ладно, устроилась нормально. Ее буйные кудри лежали на смуглых голых плечах – одета она была во что-то без бретелей. Работает она в центре обработки данных «Дженерал моторс» на Пятой авеню, в двух шагах от «ФАО Шварц». Фрэнсис понятия не имел, что такое «ФАО Шварц». Он прожил в Америке всего четыре месяца.

– Все спрашивают, уедем ли мы из города, – продолжал Стенхоуп. – Сейчас мы живем в Куинсе, но квартирка совсем маленькая.

Фрэнсис пожал плечами. Он понятия не имел, на что похожи американские пригороды, но идея провести всю жизнь в тесной квартире ему совсем не нравилась. Фрэнсис мечтал о земле. О саде. О просторе. Но пока что они с Линой собирались после свадьбы поселиться у ее родителей, чтобы поберечь деньги.

– Знаешь такой городок – Гиллам? – спросил Стенхоуп.

– Нет.

– Я тоже нет. Но есть один парень, Джефф. По-моему, он сержант. Так вот, этот Джефф говорит, что Гиллам всего в двадцати милях к северу и там полно наших ребят. Перед каждым домом лужайка, и детишки развозят газеты на великах, как в «Семейке Брэйди».

– Как, ты сказал, он называется? – переспросил Фрэнсис.

– Гиллам, – ответил Стенхоуп.

– Гиллам, – повторил Фрэнсис.

Когда они дошли до следующего квартала, Стенхоуп заявил, что у него в горле пересохло, и неплохо бы взять пивка. Фрэнсис притворился, что не услышал. В Браунсвилле патрульные иногда выпивали на службе, но исключительно тайком, в машинах. Фрэнсис не то чтобы трусил, но в полиции-то оба они совсем недавно – если влипнут, на снисхождение рассчитывать не придется.

– Давай по содовой с мороженым, – предложил Фрэнсис.

Дверь в закусную была распахнута и подперта двумя кирпичами, но внутри все равно стояла адская жара. За кассой сидел старичок в пожелтевшей бумажной шляпе и кособоком галстуке-бабочке. Он тут же воззрился на полицейских. Над головой у него исступленно жужжала жирная черная муха.

– Содовая холодная, приятель? Молоко свежее? – осведомился Стенхоуп.

Широкоплечий и громогласный, он мигом заполнил собой тихую закусочную. Фрэнсис посмотрел на свои ботинки, перевел взгляд на стекло витрины, затянутое сеткой трещин и подклеенное скотчем. «У меня хорошая работа», – сказал он себе. Уважаемая. Ходили слухи, что в семьдесят третьем году вообще не будет набора из-за сокращения бюджета, но его курсу удалось проскочить.

И тут ожили рации. Они и раньше включались, донося до патрульных обрывки чужих разговоров, и снова затихали, но на этот раз все было по-другому. Фрэнсис усилил звук. Стрельба в продуктовом магазине в доме восьмьсот один на Южном бульваре; возможно ограбление. Фрэнсис бросил взгляд на номер на двери закусочной – восьмьсот три. Старик за прилавком махнул рукой в сторону стены, точнее, того, что было за стеной.

– Доминиканцы, – произнес он, и слово будто повисло в воздухе.

– Я не слышал выстрела. А ты? – спросил Фрэнсис.

Диспетчер повторил вызов. Дрожь пробрала Фрэнсиса от горла до ширинки, но он потянулся к рации и шагнул к выходу.

На ходу расстегивая кобуры, двое молодых патрульных приблизились к магазину. Фрэнсис шел первым.

– Может, подождем? – спросил Стенхоуп, но напарник шагнул вперед, мимо двух таксофонов, мимо жужжащего лопастями вентилятора.

– Полиция! – крикнул он, остановившись на пороге.

Внутри было пусто, покупатели, если они и были, успели разбежаться.

– Глисон, – произнес Стенхоуп, кивнув на залитые кровью сигаретные пачки у кассы.

Кровавые узоры запечатлели мощь чьего-то сердца – на вид даже не красные, а лиловые, они достигали отсыревшего потолка, оплетали ржавую вентиляционную решетку. Фрэнсис взглянул на пол – красный ручеек огибал прилавок и бежал по проходу. Он вел к двери в подсобку, где, скрючившись, лежал на боку человек с мертвенно-бледным лицом. Под ним растекалась устрашающих размеров багровая лужа. Пока Стенхоуп вызывал помощь, Фрэнсис опустился на колени возле раненого, положил ему два пальца на выемку под подбородком, потом взял за руку и попытался нащупать пульс.

– Жара невозможная, – хмуро сказал Стенхоуп.

Он открыл холодильник, достал бутылку пива, сбил крышку о полку и выпил залпом. Фрэнсис подумал о городке под названием Гиллам. О городке, в котором можно ходить босиком по мокрой от росы траве. Нам не дано знать, что ждет впереди. И ничего нельзя просто попробовать: понравится – не понравится. Так он сказал, когда объяснял дяде Пэтси, почему решил пойти в полицейскую академию. Ты пробуешь что-то, пробуешь, еще чуть-чуть пробуешь – и вот это что-то уже стало твоей сутью. Еще вчера ты жил среди болот по другую сторону Атлантики, а сегодня ты коп. В Америке. В худшем районе лучшего города на земле.

Лицо мужчины сделалось пепельно-серым, и Фрэнсису бросилось в глаза то, как несчастный вытянул шею, запрокинул подбородок, словно утопающий, что из последних сил пытается глотнуть воздуха. Это был второй мертвец, которого он увидел вблизи. Первого, утопленника, выловили в гавани в апреле, но лицо так раздулось, что в нем с трудом угадывались человеческие черты, поэтому Фрэнсису он и человеком почти не казался. Лейтенант сказал, что, если надо проблеваться, можно прямо тут, только перегнуться через борт, однако дурноты Фрэнсис не чувствовал. В церкви говорили, что человеческое тело всего лишь сосуд для души. Тот первый сосуд, кусок осклизлой плоти, к тому моменту, как его затащили в лодку, давно опустел. Теперь все было иначе: Фрэнсис видел, как душа покидает тело. В Ирландии открывают окна, чтобы выпустить дух умершего, но здесь, в Южном Бронксе, души, покинув тело, лишь бьются о стены комнат, пока, измучившись, не сдадутся и не растворятся в горячем воздухе.

– Подопрь дверь, – попросил Фрэнсис. – Тут дышать нечем.

Новый звук заставил его похолодеть и потянуться к стволу. Стенхоуп вытаращил глаза.

Звук повторился: едва различимый шорох подошвы по линолеуму. Через мгновение все прекратилось. В наступившей тишине бешено стучали три сердца. Четвертое молчало.

– Стоять, руки вверх! – приказал Фрэнсис, и тут они наконец увидели его: худого долгового подростка в белой майке, белых шортах и белых кроссовках, забившегося в щель между холодильником и стеной.

Фрэнсис обмакнул пальцы задержанного в чернила и стал прикладывать к отчетным карточкам: сначала каждый по отдельности, потом четыре вместе, потом большой. Сначала левую руку, затем правую, после снова левую. Всего три карточки для трех картотек: муниципальной, штата и федеральной. Вскоре движения приобрели своеобразный ритм, как в старинном танце: хватай, прижми, отпусти. Руки у мальчишки были теплыми и сухими: даже если он нервничал, то очень хорошо это скрывал. Стенхоуп уже засел за рапорт. Продавец умер, не дождав-шись скорой, но они задержали убийцу. Убийцу с мягкими детскими ладонями и чистыми, ухоженными ногтями. Руки у парнишки были расслабленные, податливые. На третьей карточке он уяснил, что от него требуется, и стал помогать.

Когда с бумажками было покончено, старшие товарищи объявили, что первое задержание полагается отметить. Формально преступника взял Фрэнсис, но на пьянку позвали и Стенхоупа. Тот снова и снова рассказывал, как все прошло, и с каждой выпитой кружкой рассказ обрастал новыми подробностями. Мальчишка бросился на них, размахивая стволом. Повсюду были реки крови. Он, Стенхоуп, заблокировал дверь, а Фрэнсис повалил преступника на пол.

– С твоим напарником не соскучишься! – сказал Фрэнсису один из «стариков».

Стенхоуп и Фрэнсис переглянулись. Так они напарники?

– Вы напарники, пока капитан не решит по-другому, – пояснил «старик».

Повар принес с кухни полное блюдо гамбургеров и объявил, что это за счет заведения.

– Ты домой не собираешься? – спросил Стенхоуп Фрэнсиса немного погодя.

– Собираюсь, – ответил Фрэнсис. – Да и тебе пора. Тебя жена беременная ждет.

– Беременная жена – прекрасный повод задержаться подольше, – хмыкнул кто-то из старших.

До Бей-Риджа на метро было ехать час с четвертью. Едва переступив порог квартиры, Фрэнсис разделся и растянулся на раскладушке, которую Пэтси поставил для него в гостиной. Кто-то позвонил матери задержанного. Кто-то другой отвез его в изолятор. Мальчишка попросил пить, и Фрэнсис принес ему содовой из автомата. Тот проглотил газировку залпом и спросил, нельзя ли налить в банку воды из-под крана. Фрэнсис взял банку и отправился в туалет. «Дурак!» – сказал ему вслед какой-то парень в штатском. Фрэнсис все не мог запомнить, кого как зовут. Кто знает, быть может, хозяин лавки сделал мальчику что-то плохое? Быть может, он заслужил свою участь?

Пэтси не было дома. Фрэнсис позвонил Лине, молясь про себя, чтобы трубку взяла она, а не ее мать.

– Что-то случилось? – спросила Лина, когда они немного поболтали. – Ты никогда не звонил так поздно.

Фрэнсис посмотрел на часы: до полуночи оставалось совсем немного. Отчеты и попойка отняли больше времени, чем он думал.

– Прости. Тебе ведь пора спать.

Лина молчала так долго, что он решил, будто их разъединили.

– Что-то страшное случилось? – наконец спросила она. – Расскажи мне.

– Нет, – ответил Фрэнсис.

Он и вправду совсем не испугался – или толком не успел осознать, что испугался.

– Что же тогда?

– Не знаю.

– Не принимай все близко к сердцу, Фрэнсис, береги себя, – попросила Лина, словно прочитав его мысли. – У нас с тобой полно планов на будущее.

Гиллам

Глава первая

«Славный городок, но совсем уж пустынный», – подумала Лина Теобальдо, впервые увидев Гиллам. Окажись она в таком городке на каникулах, два дня бы радовалась, а на третий – засобиралась бы домой. Здесь все казалось игрушечным: яблони и клены, веранды и гонтовые крыши, кукурузные поля и молочные фермы, ребятишки, которые играли в стикбол прямо на улице, будто у их домов не было лужаек в пол-акра. Потом Лина поняла, что дети играют в игры, которым их научили родители. Стикбол. Классики. «Пни банку». Отцы учили сыновей кидать мяч посреди дороги, ведь их собственное детство прошло на тесных улицах больших городов. Лина согласилась съездить за город, чтобы улизнуть из дома, иначе мать отправила бы ее относить продукты миссис Винар. Бедная старушка была не в себе с тех пор, как ее сын пропал без вести во Вьетнаме.

На двери спальни висело перешитое свадебное платье кузины Каролины, которое ей самой предстояло надеть через шесть дней. Туфли и фата у Лины уже были. Предстояла почти неделя мучительного ожидания, и потому, когда Фрэнсис предложил посмотреть городок, о котором слышал от ребят на работе, и прогуляться на свежем воздухе, Лина с радостью согласилась и даже вызвалась захватить ланч. С ланчем они расправились на скамейке напротив публичной библиотеки. Развернули сэндвичи, съели их, выпили весь чай из термоса – за это время в библиотеку зашел лишь один посетитель. К станции подошел поезд, направляющийся на север, из него вышли три человека. На городской площади располагался гастроном, а рядом магазин «Все по пять центов», возле него стояла детская коляска. Для поездки Фрэнсис одолжил «датсун» у будущего тестя. В магнитоле намертво застряла кассета с четвертым альбомом *Led Zeppelin*, собственность младшего брата Лины – Кароля. Прав у Лины не было, водить она не умела совсем. И не видела надобности учиться.

– Ну как? Что скажешь? – спросил Фрэнсис, когда они катили обратно по шоссе Пэлисейдс.

Лина открыла окно и закурила сигарету.

– Милый городок, – сказала она. – Тихий.

Лина сбросила туфли и положила ноги на приборную панель. На работе дали две недели отпуска – одну до свадьбы и одну после, – и сегодня, в субботу, для нее начался самый долгий отдых за последние три года.

– Ты видела поезд? У них еще ходит автобус до Мидтауна, – продолжал Фрэнсис.

Сначала Лина не придавала этому значения, но потом ее осенило: он хочет здесь жить. Нет, Фрэнсис ничего такого не говорил. Он сказал, что хочет прокатиться на машине и заодно посмотреть на городок, о котором от кого-то слышал. Отдохнуть от подготовки к свадьбе. Каждый день подъезжали родственники из Италии и Польши, и родительская квартира наполнялась едой и людьми. Из Ирландии не было никого, но какой-то родственник Фрэнсиса, давно перебравшийся в Чикаго, прислал в подарок статуэтку из ирландского фарфора. Фрэнсис сказал, что ему все равно. Свадьба – это праздник невесты. А между тем он, оказывается, держал в уме план. Правда, план почти из области фантастики, так что она решила тему не затрагивать, если только Фрэнсис сам не заговорит.

Через пару недель, когда свадьбу сыграли, гости разъехались и Лина вернулась на работу с новой фамилией и обручальным кольцом на пальце, Фрэнсис признался, что хочет съехать от ее родителей. Мол, когда сестра Лины Натазя усаживается в крошечной гостиной с учебни-

ками, остальным приходится ходить на цыпочках. Кароль вечно злой – возможно, оттого, что его спальню отдали молодоженам. Одному побыть никакой возможности. И отдохнуть тоже – неловко сидеть сложа руки в чужом доме. Свадебные подарки лежат по углам, и Лина мать постоянно всем твердит, чтобы не побили хрусталь. Лине всегда казалось, что это здорово, когда за обеденный стол садятся полдюжины человек, а если пришли гости, то и больше. И она впервые задумалась: так ли хорошо она знает человека, за которого вышла замуж?

– Но куда же мы съедем? – спросила Лина.

Они искали на Стейтен-Айленде. Искали в Бей-Ридже. Исходили Йорквилл, Морнингсайт-Хайтс, Вилледж. Заходили в дома, заставленные чужими вещами, где на полочках стояли фотографии незнакомых людей в рамках и искусственные цветы. И с каждым таким осмотром Лина чувствовала, что Гиллам неуклонно приближается, как неизбежный съезд на автостраде. Подаренных на свадьбу денег и зарплаты их обоих должно было хватить на первый взнос.

В январе семьдесят четвертого, субботним утром, отработав ночную смену и несколько часов сверхурочных, Фрэнсис вернулся в квартиру в Бей-Ридже и заявил:

– Одевайся. Я нашел нам дом.

– Я никуда не поеду, – твердо сказала Лина, отставив кофейную чашку.

Анджело Теобальдо сидел напротив нее и разгадывал кроссворд. Гося Теобальдо жарила яичницу. Фрэнсис стоял на пороге, в форме патрульного, высокий, с пылающими щеками.

– Он твой муж, – напомнил Анджело.

Таким тоном он упрекал дочь, когда она разбрасывала на полу игрушки и забывала их убрать.

– Помолчи, – остановила его Гося, проведя пальцем по губам. – Позавтракаем в «Хиншиз», – объявила она, выключив газ под сковородой.

– Мы только посмотрим, Лина. А дальше – как ты сама решишь.

– Ладно, – согласилась она.

Спустя час и двадцать минут Лина прижалась лбом к окошку автомобиля, чтобы получше рассмотреть свой будущий дом. Перед входом располагался яркий плакат с надписью: «Продается». Куст гортензий, которому предстояло расцвести в июне, сейчас напоминал связку обледеневших палок. Хозяева были дома – их «форд» стоял на дорожке, и Фрэнсис не стал глушить мотор.

– Что это? Камни?

На заднем дворе виднелось пять огромных камней. Мать-природа много тысяч лет назад разложила их по размеру. Самый крупный был не меньше пяти футов.

– Валуны, – пояснил Фрэнсис. – Они здесь повсюду. Риелтор говорит, что они обозначают границы между участками. Похоже на Ирландию.

Лина многозначительно поглядела на мужа, словно говоря: «Так вот почему мы здесь!» Он говорил с риелтором. Он все для себя решил. На этой улице, носившей имя Джефферсона, как и на соседних – Вашингтона, Адамса, Мэдисона и Монро, – дома стояли плотнее, чем в других частях города. Фрэнсис рассказал, что этот квартал старше остальных, его построили еще в двадцатые, когда в Гилламе была кожевенная фабрика и жители по большей части ходили на работу пешком. Он решил, что Лине это понравится. А еще у каждого дома была веранда.

– Но здесь даже не с кем поговорить, – сказала она.

– А как же соседи? – возразил Фрэнсис. – Ты человек легкий, со всеми перезнакомишься, заведешь друзей. И потом, все равно же будешь ездить в город каждый день. С подружками на работе общаться будешь. Автобус останавливается прямо в конце улицы. Тебе даже не придется учиться водить машину, если не хочешь. Я – твой водитель, можешь рассчитывать на меня.

Он не знал, как объяснить жене, что после того, что он видит на работе, ему необходимы деревья и тишина, ему требуется видимая, осязаемая граница между двумя сторонами жизни, мост, который можно перейти, оставив позади прошедший день. В мечтах все было очень просто: вот полицейский Глисон, а вот Фрэнсис Глисон. Полицейский Глисон оставался на одном берегу, а Фрэнсис Глисон переходил на другой. Среди преподавателей в академии встречались ветераны, которые за тридцать с лишним лет службы ни разу не доставали оружия из кобуры, а Фрэнсису всего за полгода применять его пришлось уже несколько раз. Его сержант не так давно пальнул в тридцатилетнего мужчину в тупике у автострады Брукнер, и тот умер на месте. В участке решили, что все было по закону, ведь погибший сам был вооружен и к тому же под наркотой. Сержант ни капли не переживал о случившемся. Фрэнсис пил с ним и поздравлял его вместе со всеми. Но на следующий день в участок пришли мать убитого и мать его детей. Они сидели в приемной, и никому не было до них дела. У погибшего была мать. Он сам был отцом. Он не родился наркоманом. Отсидеваясь в кухне и всей душой желая, чтобы женщины поскорее убралась ко всем чертям, Фрэнсис представлял, какой была жизнь этого бедолаги до того, как он имел глупость направить на полицейского ствол двадцать второго калибра.

Лине он ничего не рассказывал – говорил только, что работа нравится, дел невпроворот, – но она словно угадала его мысли и согласилась посмотреть дом еще раз. Представила яркие клумбы у крыльца. Можно будет устроить гостевую спальню. А добираться до Манхэттена на автобусе и вправду быстрее, чем на метро из Бей-Риджа.

В апреле семьдесят четвертого, через несколько недель после того, как Глисоны наняли грузовик с брезентовым тентом и переехали в Гиллам, врач из маленькой клиники около кино-театра осмотрел Лину и сообщил, что она на втором месяце и бегать за автобусом ей осталось недолго. Теперь ее работа – есть за двоих, думать о приятных вещах и меньше времени проводить на ногах. Она рассказала обо всем мужу, когда они бродили вокруг дома, прикидывая, где посадить помидоры. Фрэнсис остолбенел.

– Ты же понимаешь, как это получилось? – осведомилась Лина, стараясь сохранять серьезный вид.

– Тебе нужно сесть.

Уронив помидорный куст, Фрэнсис обхватил жену за плечи и увлек на террасу. От прошлых хозяев там осталась пара ржавых садовых кованых кресел, и он обрадовался, что не выбросил их. Фрэнсис усадил Лину в кресло, уселся напротив, вскочил на ноги, снова сел и снова вскочил.

– Мне что же, сидеть тут до ноября? – спросила Лина.

Она ушла в отпуск на двадцать пятой неделе – надоело слушать мамины страшилки о том, что беременную могут выпихнуть из автобуса или задавить в толпе на вокзале. В тот день, когда Лина в последний раз накрыла чехлом свою пишущую машинку, девчонки устроили ей прощальную вечеринку в конторском буфете и заставили нацепить детский чепчик, украшенный ленточками от подарочных коробок.

Никогда в жизни у Лины не было столько свободного времени. Едва она успела познакомиться с пожилой парой, жившей по соседству, как старушка умерла от рака мочевого пузыря, а ее мужа спустя две недели унес обширный инсульт. Опустевший дом стоял как ни в чем не бывало, будто ему забыли сообщить о смерти хозяев. На почтовом ящике по-прежнему позвякивали китайские колокольчики. На крышке мусорного бака лежали садовые перчатки, словно кто-то мог вернуться за ними с минуты на минуту. Постепенно лужайка перед домом заросла. На подъездной дорожке выросла гора разбухших от дождя и выцветших на солнце газет. Никто не собирался их убирать, и Лина в конце концов сделала это сама. Пару раз риелтор привозил покупателей, но никто из них не возвращался. Иногда Лине случалось за весь день не произнести ни слова и – если не включать телевизор – ни разу не услышать человеческого голоса.

Натали Глисон родилась в ноябре тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, через месяц после первой годовщины свадьбы своих родителей. Мать Лины пожила с ними неделю – дольше никак не могла, ведь без нее Анджело себе и чая заварить не мог. Гося обещала помогать дочери, но с утра до вечера только сидела, склонившись над колыбелькой и на все лады повторяла: «Привет, маленькая! Я твоя бабуся».

– Гуляй с ребенком каждый день не меньше часа, не важно, какая погода, – наставляла Гося свою дочь, пока Натали спала в коляске, закутанная в шерстяное одеяльце. – Ходи по улицам, деревьями любуйся, тротуарам ровным радуйся, с соседями здоровайся и думай о том, как тебе повезло. И как девочке твоей повезло. У такой крошки уже целый шкаф одежек. Фрэнсис – замечательный муж. Повторяй это себе снова и снова. Заходи в магазины. Знакомься с людьми, расскажи им, что недавно сюда переехала. Малышей все любят.

Лина заплакала. Ей захотелось схватить дочку на руки, бросить коляску посреди тротуара, вскочить вслед за матерью в автобус и никогда не возвращаться в Гиллам.

– Когда ты была грудная, я мечтала бросить тебя у миссис Шеффлин. Ты же помнишь миссис Шеффлин? Думала попросить ее посидеть с тобой, пока я схожу за молоком, и сбежать навсегда.

– Серьезно?!

Слезы у Лины мгновенно высохли. От изумления она расхохоталась – и хохотала так, что вскоре они вновь потекли по щекам.

В пятницу, накануне Дня памяти тысяча девятьсот семьдесят пятого года, когда Лина кормила дочку, сидя в кресле-качалке на втором этаже, к соседнему дому подъехал грузовик. Незадолго до этого Лина узнала, что снова беременна. Доктор пошутил, что ирландскому муженьку почти удалось заделать ей ирландских близнецов². Пару недель назад с лужайки убрали плакат с надписью: «Продается». Фрэнсис вроде бы говорил, что дом купили, но Лина плохо себя чувствовала и мало что запомнила.

Лина сбежала по ступенькам, прижимая к себе Натали.

– Привет! – крикнула она новым соседям.

Рассказывая мужу об этой встрече, она призналась, что ужасно боялась сморозить глупость и произвести дурное впечатление. Дочка сосала свой крошечный кулачок. Должно быть, не наелась.

Навстречу Лине шла блондинка в нарядном летнем платье. В обеих руках она держала по лампе.

– Так это вы купили дом! – От волнения ее голос звучал слишком высоко. – Меня зовут Лина. Мы переехали в прошлом году. Добро пожаловать! Вам помочь чем-нибудь?

– Я Энн, – произнесла новая соседка с едва уловимым ирландским акцентом. – А это Брайан, мой муж. – Она вежливо улыбнулась. – Сколько вашей малышке?

– Шесть месяцев, – ответила Лина.

Наконец-то, в первый по-настоящему теплый день в году в округе появился хоть кто-то, кто умилится ее дочке и дал Натали подержаться за свой палец. В голове у Лины вертелись тысячи вопросов. Где они жили до этого? Давно ли женаты? Почему решили перебраться в Гиллам? Как познакомились? Какая музыка им нравится? Из какой части Ирландии родом Энн? Не хотят ли они зайти выпить по стаканчику, когда распакуют вещи?

Энн красавица, отметила Лина, но было в ней еще что-то, кроме красоты. Однажды, отказав Лине в повышении, босс, мистер Иден, сказал: к ее работе нет никаких претензий, но другая претендентка умеет себя подать, а это важно для работы с клиентами. Лина не поняла, что он имеет в виду, но дурочкой показаться не хотела и покорно вернулась за пишущую машинку.

² Ирландскими близнецами называют погодков.

Возможно, дело было в ее произношении – слишком бруклинском. Или в привычке поправлять прическу прямо за рабочим столом. А как-то раз у нее между задними зубами застряло волокно сельдерея, так что вытолкнуть его языком никак не получалось, и пришлось сунуть палец в рот и выковырять волоконце ногтем. Глядя на новую соседку, Лина подумала, что вот она себя подать умеет, и такому, наверное, не научишься – с этим надо родиться.

Энн покосилась на мужа, положила ладонь на живот и сообщила, понизив голос:

– Скоро у вашей дочурки будет компания.

– Здорово! – воскликнула Лина.

Брайан Стенхоуп, который еще не успел поздороваться, как раз пересекал лужайку. Услышав слова жены, он неожиданно развернулся и пошел обратно к грузовику. Лина спросила у Энн, не устала ли она с дороги, не кружится ли у нее голова. Если и кружится, ничего страшного. У беременных бывает. Надо немного полежать, и все пройдет. И неплохо захватить в постель печенье. Вот ее, к примеру, всегда тошнило, стоило только пропустить обед. Энн кивала, но, похоже, особо в советы не вслушивалась – не хотела обсуждать такое при муже. Тут Лина вспомнила, что и сама во время первой беременности не любила, когда ее поучали. Есть вещи, которым женщина учится только сама.

Брайан наконец подошел к ним.

– Мы с Фрэнсисом работаем вместе, – сказал он. – Точнее, раньше работали. В сорок первом участке.

– Правда? – удивилась Лина. – Вот так совпадение!

– Не то чтобы совпадение, – усмехнулся Брайан. – Это ваш муж рассказал мне, что здесь продается дом. Он вам не говорил?

Вечером, когда Фрэнсис вернулся домой, Лина спросила, почему он молчал о новых соседях. Ведь можно было устроить торжественный прием, приготовить что-нибудь вкусное.

– Но я же говорил, – удивился Фрэнсис.

– Ты сказал, что дом продан, но не говорил, что его купил твой друг.

– Какой еще друг? – не понял Фрэнсис.

– Вы же работаете вместе. И обедать вместе ходите. В академии вместе учились и одно время были напарниками. Кто же он тебе, если не друг? – сказала Лина.

– Прости, – кивнул Фрэнсис. – Я совсем забыл. Брайан недавно перевелся. Мы почти месяц не виделись.

Он обнял Лину.

– А как тебе его жена? Они потеряли ребенка – я тебе не говорил? Кажется, он родился мертвым. Года два назад.

Лина ахнула, подумав о живой, теплой Натали, которая сладко сопит в своей кровати наверху.

– Какой ужас!

Надо же, она болтала о беременности, да еще и раздавала советы. А Энн слушала и молчала.

Лина присматривалась к соседке, стараясь понять, растет ли ее живот, но по будням Энн носила мешковатую форму медсестры, а по выходным облачалась в широкие блузки в деревенском стиле и такие длинные юбки, что они чуть не мели подолом по земле. Глядя, как Энн выходит из дома с ключами от машины в руках, Лина поневоле завидовала чужой свободе. Иногда она нарочно выходила забрать почту, когда видела на улице соседку, но Энн только махала ей рукой и спешила к себе. Пару раз, заметив ее машину на дорожке перед домом, Лина стучала в дверь, но никто так и не открыл. Однажды она бросила в соседский почтовый ящик открытку с приглашением прийти на обед в субботу – в любую субботу, когда им будет удобнее, – но ответа так и не последовало.

Фрэнсис предположил, что открытку Стенхоупы не получили. Ее мог забрать почтальон.
– Ты не мог бы спросить у Брайана? – попросила Лина.

– Послушай, – сказал Фрэнсис, – забудь ты об этом. Не все хотят общаться. Лично я прекрасно без них обойдусь.

– Я тоже, – ответила Лина, взяла Натали на руки, поднялась в спальню и села на кровать.

Лето пролетело. Как-то в субботу, когда Брайан с граблями в руках прибирал свой участок, Лина увидела, что ее муж болтает с ним, стоя на полоске травы между подъездными дорожками. От хохота Фрэнсис сгибался пополам. Уже родилась Сара, славная, здоровая девочка, и Лина совсем потеряла покой, ведь Натали только-только начала ходить и норовила забраться на лестницу. С тех пор как в соседнем доме поселились Стенхоупы, прошло больше девяти месяцев, и, когда бы они ни зачали ребенка, тот уже должен был появиться на свет. Однако никаких признаков беды Лина у соседей не замечала. Как-то раз она вернулась из магазина, и, пока дочки ревели на заднем сиденье, прикидывала, как подступиться к дюжине пакетов в багажнике, и вдруг, подняв глаза, увидела, что с веранды на нее пристально смотрит Энн. Лина получила права, но водила не слишком уверенно. Без Фрэнсиса она решалась ездить исключительно по проверенному маршруту от дома до магазина и обратно. Лина испугалась, вдруг она нарушила правила, а Энн заметила.

– Привет! – крикнула Лина, но Энн отвернулась и скрылась в доме.

Когда Саре должен был исполниться год, Лина заметила, что живот у Энн как будто немного округлился. Она пристала к мужу, чтобы тот при случае спросил Брайана.

– Перестань, – отмахнулся Фрэнсис. – Захотят – сами расскажут.

Впрочем, вскоре все прояснилось. Несколько дней спустя, когда Лина пришивала мужу пуговицу к рубашке, тот зашел на кухню вымыть руки и между прочим сообщил, что Стенхоупы действительно ждут ребенка. Фрэнсис, как свойственно мужчине, не разузнал у Стенхоупов ни одной подробности, но Лина догадалась, что Энн скоро рожать, когда ее машина перестала покидать подъездную дорожку: соседка больше не ездила на работу. Дождавшись подходящего момента, Лина посадила Сару в манеж с игрушками, включила Натали телевизор, захватила старые качели для младенцев, пересекла заснеженный двор и постучала к Стенхоупам. Застигнутая врасплох, Энн в дом ее звать не стала, попросив показать, как застегивать ремешки, прямо на веранде. Лина удивилась, но все же сняла перчатки и продемонстрировала, как безопасно крепить конструкцию, как правильно подвешивать, как мыть, если понадобится. Между делом Энн, кутаясь в шерстяной кардиган, сообщила, что ей рожать на следующей неделе, а Лина призналась соседке в том, о чем пока не говорила даже матери: она снова забеременела. Ребенок должен был появиться на свет через полгода после ребенка Стенхоупов, а значит, Энн могла пользоваться качелями, пока ее сыну или дочке не исполнится шесть месяцев – впрочем, на качелях и так написано «до шести месяцев». И вообще, они могли бы меняться детскими вещами и помогать друг другу. Энн собиралась немного посидеть с ребенком и вернуться в больницу. Ей нравится работать, призналась она словно бы виновато, и Лина, заметив брешь в обороне, заверила, что она-то знает: сидеть дома с детьми куда тяжелее, чем видится со стороны и чем тебе самой прежде казалось.

– Если что-то понадобится... Ну, если Брайана не будет дома, когда все начнется, или еще что-нибудь, зови меня.

Направляясь домой, Лина думала: у нас просто сначала отношения не заладились. Думала: Энн наверняка потеряла ребенка и оттого на Лину с ее двумя дочками просто смотреть не могла. Думала: возможно, она сама нечаянно обидела Энн, но теперь это дело прошлое.

Питер появился на свет через несколько дней, и весил девять фунтов десять унций.

– Жуткое дело, – признался Брайан Фрэнсису.

– Так всегда бывает, – заметил Фрэнсис и добавил: – Тогда... в тот раз... ты видел?..

- Нет, нет. Ничего подобного. Мы заранее все знали.
- Я не хотел...
- Не бери в голову. Все в порядке.

По дороге из больницы Энн держала сына на коленях, а потом сама внесла его в дом – уголок голубого одеяльца трепыхался на жгучем февральском ветру. Натали и Сара по заданию матери нарисовали открытки «Добро пожаловать домой», и Лина положила их Стенхоупам на крыльцо, придавив свежейиспеченным маковым пирогом.

Наутро, когда Фрэнсис ждал, пока закипит чайник, а Лина раскладывала по тарелкам овсянку, раздался звонок в дверь. За стенами всю ночь напролет завывал ветер, и в утренних новостях сказали, что по всему округу повалило деревья. Фрэнсис решил, что звонят как раз насчет ветра – кому-то понадобилась помощь, а может, пришли предупредить насчет обрыва проводов или перекрытой дороги. Однако за дверью стояла Энн Стенхоуп в элегантном верблюжьем пальто до щиколоток, застегнутом на все пуговицы, и с качелями в руках. Губы ее были ярко накрашены, но под глазами у нее залегли темные круги.

- Возьмите. – Она протянула качели Фрэнсису.
- Все в порядке? – спросила Лина из-за плеча мужа. – С ребенком все хорошо?
- Я вполне способна позаботиться о своем ребенке, – сказала Энн. – И испечь пирог для своего мужа.

Онемевшая Лина уставилась на нее во все глаза.

– Ну разумеется, – произнесла она наконец. – Просто поначалу бывает трудно, вот я и подумала...

– Это совершенно не трудно. Он замечательный малыш. У нас все хорошо.

Фрэнсис понял, к чему все идет, раньше жены.

– Что ж, спасибо. – Взяв качели, он хотел закрыть дверь, но Лина его остановила:

– Подожди минутку. Пожалуйста, всего минутку. Ты не так поняла. Оставь их себе. Маленький в них спать будет. Правда. Они совсем новые.

– Вы не расслышали? – спросила Энн. – Мне они не нужны. Если моему сыну что-нибудь понадобится, я куплю сама.

– Как скажете, – проговорил Фрэнсис и все-таки закрыл дверь.

Он бросил сложенные качели на диван, но они отскочили от подлокотника и с грохотом упали на пол. Помертвевшая Лина стояла посреди гостиной с деревянной ложкой в руке. Фрэнсис пожал плечами:

– Вот кого правда жалко, так это Брайана. Хороший ведь парень.

– Господи, что я ей сделала? – спросила Лина.

– Ровным счетом ничего, – ответил Фрэнсис, снова усаживаясь за стол с газетой и чашкой чая. – Это с ней неладно. – Он покрутил пальцем у виска. – Слушай, не связывайся ты с ней больше.

Через несколько месяцев, в разгар жаркого душного августа на свет появилась Кейт. Лина жаловалась, что не может кормить грудью: стоит прижать ребенка к себе, они оба делаются такие потные, что малышка выскользывает из рук. Через пару дней Лина сдалась, и теперь, возвращаясь с ночной смены, Фрэнсис первым делом, оставив вещи у входа, приносил дочери первую за день бутылочку молока. Наконец Лина смогла передохнуть, а отец и дочь, разглядывающие друг дружку поверх бутылочки, выглядели так мило, что она втайне жалела, что не прикармливала старших девочек.

– Ты моя зайка, – приговаривал Фрэнсис, забирая пустую бутылочку и перекладывая дочку себе на плечо, чтобы та отрыгнула.

Питер был старше на полгода. Он уже ел хлопья с яблочным пюре, когда Кейт только начала держать головку. Много позже оба спрашивали себя, когда они впервые ощутили при-

существование друг друга. Слышал ли Питер, как плачет Кейт, когда в их домах были открыты окна? Видел ли он, когда научился стоять, держась за перила веранды, как старшие сестры катают ее по двору на тележке? Задумывался ли – кто это?

Первым воспоминанием Кейт, сохранившимся на всю жизнь, было: Питер бежит вокруг дома с красным мячом в руке, и она уже знает, как его зовут.

Глава вторая

Предполагалось, что снежный буран обойдет Гиллам стороной, переберется через Гудзон в округ Уэстчестер и, задев Коннектикут, сгинет где-то над океаном. Но, когда миссис Давин велела шестиклассникам открыть учебники по обществознанию, приближение непогоды уже ощущалось в тяжелом, словно наэлектризованном воздухе. Питер написал в тетради «1988», хотя вот уже два месяца, как наступил восемьдесят девятый год. Радио, включенное в учительской, вполголоса сообщило, что циклон поменял направление, а стало быть, к девяти дюймам снежного покрова, образовавшегося за выходные в городах западнее Гудзона, прибавятся еще двенадцать.

– Снег! – воскликнула Джессика Д'Анджелис, вскочив из-за парты и указывая на окно, выходящее на учительскую парковку.

Миссис Давин зажгла и снова погасила свет, чтобы призвать шестиклассников к порядку, а потом, словно забыв, зачем она это делала, уставилась на небо поверх голов учеников.

Школьное радио снова оживило, и оттуда послышалось шумное дыхание сестры Маргарет.

– По причине бурана уроки сегодня заканчиваются в двенадцать. Родители предупреждены. Дети, которые ездят на автобусе, должны явиться на остановку не позднее одиннадцати пятидесяти пяти.

Кейт и в обычные дни с трудом высиживала уроки, а теперь, когда буран поломал весь школьный распорядок, – им пришлось запихнуть коробки с нетронутым ланчем обратно в сумки, а словарные слова проверить в десять, а не в час пятнадцать, как по расписанию, – она и вовсе перестала владеть собой. Питер за два ряда уловил, до чего ей не терпится. Миссис Давин еще объясняла что-то, постукивала мелом по доске, прикрикивала на детей, что, мол, пока учитель не сказал «Урок окончен», все сидят смирно, но Кейт уже попихала тетрадки в сумку и ерзала на стуле, то и дело поглядывая в окно. Она начала рассказывать Лизе Гордон, что на заднем дворе у них будет каток. Питер видел, что Лиза изо всех сил пытается не обращать на нее внимания, по крайней мере, когда на них смотрит учительница. С катком это папа придумал, не унималась Кейт.

– Кейт-лин Гли-сон! – грозно отчеканила миссис Давин. Но вместо того чтобы выставить нарушительницу в коридор, как в обычные дни, лишь выразительно на нее поглядела и показала на часы.

Ровно без пяти двенадцать Кейт, Питер и прочие ребята, которым надо было на автобус, высыпали в коридор. Кейт размахивала рюкзаком, подпрыгивала на мысках своих синих кроссовок, словно готовясь в любую минуту рвануть бегом. Оказавшись на улице, она первым делом прокатилась по заледеневшей дорожке, размахивая руками, как в мультике.

Питер шел следом за Кейт до самого автобуса, припаркованного у аварийного выхода. Кейт пропустила Питера на его место: еще с детского сада повелось, что он садился у окна. Питер по обыкновению бросил рюкзак на пол и устроился на сиденье, упершись коленями в виниловую спинку переднего кресла. Кейт забралась на сиденье с ногами и развернулась назад, чтобы видеть всех и болтать со всеми.

– Отлупи сегодня Джона, – попросила Кейт. – Он что, чокнутый?

По утрам мальчишки играли в вышибалы, а девчонки наблюдали за ними, сбившись в стайки. Как-то раз в начале года Кейт встала в ряд с мальчиками, а когда ее спросили, куда это она, пожалала плечами с таким видом, словно не было ничегошеньки странного в том, что девчонка полезла в игру, в которую девчонки в школе Святого Варфоломея отродясь не играли. Кейт была ловкая и потому сумела продержаться несколько минут, но парни были сильнее и, конечно же, принялись ее обстреливать. Она пропустила мяч. Второй. После третьего ей пришлось стать к стенке, упершись руками, а мальчишки один за другим швыряли ей в зад мячом.

Джон Диллс разбежался и метнул мяч с такого близкого расстояния, что Питер зажмурился, а Кейт оторвала ладонь от стены и схватилась за ушибленное место.

«Ну ты говнюк», – бросил Питер Джону, когда тот, ухмыляясь, вернулся на место. Наблюдавшие за игрой девочки смотрели то на мальчиков, то на Кейт, и не знали, чью сторону принять. Питер, когда подошла его очередь, бросил мяч едва-едва, чуть мазнув Кейт по ногам. Другие мальчишки требовали, чтобы он ударил еще раз, но Питер сказал: «Это вообще тупое правило» – и бить не стал. Как ни странно, сильнее всех на него разозлилась Кейт. «Ты почему не вмазал нормально?» – накинулась она потом на Питера, оглядевшись по сторонам – не подслушивает ли кто. Питер промямлил, что не хотел делать ей больно. В тот раз Кейт не разговаривала с ним целый день.

– Слушай, Кейт... – начал теперь Питер.

Когда миссис Давин записывала на доске домашнее задание, он вспомнил, как мама зашла утром в его комнату и принялась что-то искать на книжных полках. Во время завтрака она была на взводе, и Питер предпочел не лезть с вопросами. Но теперь, когда одноклассники склонились над тетрадками, он сообразил, что мама неспроста так себя вела – когда он последний раз видел кораблик, который она подарила ему неделю назад? До дня рождения было еще долго, а Рождество уже прошло.

– Он плавает, как настоящий, – гордо сказала тогда мама. – Точная копия «Золотой лани» сэра Фрэнсиса Дрейка. Вплоть до малейших деталей. Мачты, паруса, бушприт – все как настоящее, включая рулевые петли.

Папа спросил, сколько стоит такой подарок, но мама пропустила вопрос мимо ушей. Тогда папа осмотрел коробку, в которой пришла посылка, почтовые марки и упаковочный ярлык. Все выглядело очень солидно. Корабль точно предназначался не для игр – но для чего тогда?

– Помнишь, я тебе показывал модель корабля? – спросил Питер у Кейт. – Мы его, случайно, не оставляли на улице?

– Нет, – ответила Кейт. – А в чем дело? Ты его потерял?

– Кажется. И по-моему, мама сегодня утром тоже его искала.

Кейт опустила на сиденье, поджав под себя ноги.

– Мы таскали его на валуны. А, точно: еще мы его запускали. Ты его с тех пор найти не можешь?

Сугробы подтаяли под солнцем, и они смогли пустить корабль в ручеек, стекавший от дома Кейт на проезжую часть.

– Нет, вроде бы он позже потерялся.

Кейт повернулась к Питеру и в упор уставилась на него своими громадными карими глазами. Это было как смотреть в мутную воду, которая постепенно становится прозрачной как стекло. Были времена – в детском саду или, может, в первом классе, – когда они до хруста стискивали друг другу ладони, мерились, у кого они длиннее и толще, устраивали поединки на больших пальцах, и всякий раз Питер замечал – стоит Кейт оказаться с ним лицом к лицу, как что-то в ней утихает, успокаивается. Впрочем, из поединков на пальцах они давно выросли. Кейт откинула волосы со лба и заправила за уши. Ее уже окликнули с другого конца автобуса.

– Ты теперь влип?

– Нет, ничего страшного, – ответил Питер и принялся ковырять ногтем болячку на пальце.

– Но лучше бы нам его найти?

Питер пожал плечами:

– Ну да.

Кейт давно заметила, что, когда речь заходит о родителях, Питер становится странно неразговорчивым. Только один раз, когда они сидели на валунах, – Кейт натянула на голову

черные колготки, чтобы их чулки свисали до пояса, словно косы, – она осторожно намекнула, что его мама не такая, как другие. Незадолго до того миссис Стенхоуп у них на глазах заехала во двор, припарковалась, вышла из машины и бросилась в дом, не глядя по сторонам, ни с кем не здороваясь. Мама Кейт полола клумбу. Мистер Мальдонадо красил свой почтовый ящик. Живший через два дома мистер О’Хара копал ямку для деревца. Он заранее пригласил соседских ребяташек помочь засыпать ямку землей, пока он будет устанавливать саженец.

– Почему твоя мама такая? – спросила Кейт.

Маленькие дворики тонули в тени деревьев. Сквозь их ветки поблескивало клонящееся к закату солнце, завел свою песню хор цикад, и Питер чувствовал, что скоро его загонят домой. А он так надеялся, что мистер О’Хара позовет его помогать с саженцем раньше, чем вернется мама.

– Такая – это какая? – спросил он, немного помолчав.

В ту пору они с Кейт учились во втором классе, их только что допустили к первому участию. Питер развел ладони, словно в молитве, наклонился над высокой травой, что росла между валунами, – недостижимая для косилки, как ни бранился мистер Глисон, пытаясь ее туда протиснуть, – сложил ладони и поймал кузнечика. Прижал ему крылышки большими пальцами, поднес к лицу Кейт, чтобы та рассмотрела хорошенько, и ощутил на запястье ее теплое дыхание. Они пытались поймать кузнечика все лето, уже почти сдались, и вот теперь он наконец попался.

– Ну... такая. Ты же понимаешь.

Но только он не понимал. Да и Кейт толком не понимала. Так что оба не стали продолжать этот разговор.

С Сентрал-авеню автобус свернул на Вашингтон-стрит, потом на Джефферсон-стрит, потом на Мэдисон-стрит, а когда он протарахтел мимо берквудских сосен, Питер увидел свой дом.

– Будем играть в снежки, – сообщила Кейт, перегнувшись через него, чтобы посмотреть в окно. Многие ребята достали ланчбоксы и принялись жевать. Автобус наполнился запахом чипсов и фруктовой газировки. – Две команды. Двадцать минут на подготовку снарядов, и начинаем.

Автобус подскакивал на ухабах, школьников то подкидывало на сиденьях, то швыряло вбок. Перед глазами Питера мелькнули деревья, небо – и бордовое пятно. Мамина машина. Кейт тоже ее заметила.

– Слушай, но спросить-то можно? – предложила она. – Вдруг разрешит?

– Угу, – буркнул Питер.

Автобус остановился, и дети один за другим выскочили наружу.

– Может, и разрешит, – пробормотал Питер, надевая рюкзак.

Тучи, подсвеченные солнцем, зловеще мерцали. Кейт на мгновение остановилась, будто что-то забыла, и побежала к дому.

Питер нашел маму в полутемной кухне. Она срезала желтые шкурки с куриных ножек, пачкая манжеты о сырое мясо.

– Ты ведь с этим справишься? – спросила она не оборачиваясь.

На часах было двадцать минут первого. До ужина оставалось не меньше шести часов. Обычно во время готовки мама собирала волосы на макушке, но сейчас они в беспорядке свисали вокруг лица. Питер поглядел на мамины опущенные плечи, пытаясь угадать, что у нее на уме. Снял с плеч рюкзак, расстегнул куртку. Накануне за ужином мама не съела ни крошки, и папа все поглядывал на нее, пока тяготомно рассказывал, что было на работе. Потом он налил себе выпить, встряхнул стакан, погромев кубиками льда на дне. Мама ежилась и прикрывала

глаза, словно ей было больно на что-то смотреть. Но перед ней были только Питер и папа. Только Питер и папа, которые сидели за столом и разговаривали о том, как прошел день.

– Мама не очень хорошо себя чувствует, – заметил Брайан Стенхоуп, когда она отправилась на второй этаж – прилечь. Казалось, он и не заметил, что Энн встала из-за стола, но как только она ушла, налил себе еще, разрезал печеную картофелину и намазал ее маслом. – Она же целый день на ногах, понимаешь? Это тебе не в конторе сидеть.

Отец потянулся за солью.

– Ты ведь тоже целый день на ногах?

– Ну, не то чтобы целый, – возразил Брайан Стенхоуп. – И вообще, у женщин все по-другому. Им нужно... ну не знаю.

Питер подумал, не происходит ли с мамой то же, что с Рене Отлер, которую отпустили в уборную посреди урока. В автобусе Кейт отказалась это обсуждать, но, когда они встретились на валунах, объяснила, что, хотя с мальчишками о таком не говорят, накануне у Рене началось «сам знаешь что» прямо на игровой площадке, и медсестра показывала ей, что делать с прокладкой. У остальных девчонок, насколько Кейт было известно, «сам знаешь чего» пока не началось.

– У меня, наверное, у последней начнется, – констатировала она, натянула футболку на грудь и, глянув на нее, досадливо поморщилась – смотреть было особо не на что.

Когда Кейт произнесла слово «прокладка», Питера словно током ударило, щеки запылали. Кейт посмотрела на него с любопытством:

– Ты же знаешь, что такое месячные?

– Конечно, справлюсь. Вот так? – Питер поддел скользкую куриную шкурку.

На кухне стояла такая темень, что запросто можно было перепутать миски, одну со взбитыми яйцами и другую с горкой панировочных сухарей. Мама ушла в спальню, а Питер принялся за дело, стараясь двигаться в таком же темпе, что и она. Смазал противень маслом – он видел, как мама это делает, – и разложил на нем обваленные в сухарях куриные ножки. С улицы доносились голоса – ребята уже собирались. Питер вымыл руки и немного постоял, прислушиваясь к тиканью разогревающейся плиты. Мельком взглянув на улицу через стекло задней двери, он успел заметить красно-синюю куртку Ларри Макбринна, который сломя голову неся по лужайке за домом Глисонов. Там наверняка были и Мальдонадо, и обе сестры Кейт, и Диллсы, и близнецы Френкель, которые ходили в муниципальную школу. Все.

Надо найти этот корабль и показать маме, что он цел и невредим. Она была такой счастливой, когда вручала ему подарок. Вместе они изучили прилагавшийся к кораблику сертификат, и мама сказала, что они пойдут в библиотеку и возьмут книгу о Фрэнсисе Дрейке. Или о резьбе по дереву. Или о судостроении. Или три книги сразу. Вечером, когда Питер хотел достать из холодильника пакет молока, она обняла его крепко-крепко, как раньше, когда ему было лет пять-шесть, и прошептала на ухо, что кораблик стоил шестьсот долларов, не считая семидесяти пяти долларов за доставку. А потом сделала испуганные глаза, как будто нечаянно проболталась, а вовсе не умирала весь день от желания рассказать ему это, и Питер понял, что папе говорить нельзя. Мама нашла корабль в каталоге, забытом кем-то в больничной палате, и решила, что у ее сына непременно должен быть такой. Она всегда знала, что родит сына, и любила представлять, как он играет с моделью корабля. Ее сделали в Лондоне, многозначительно продолжала мама с озорным блеском в глазах. Она прожила там целых два года, но это было очень давно. Там столько всего чудесного! Чего ради она переехала в Нью-Йорк? Уже и не вспомнить. Из-за работы? Или кто-то вбил ей в голову, будто жизнь в Нью-Йорке лучше? Питер все это уже слышал. Когда мама бывала в разговорчивом настроении, она всегда возвращалась к этой теме. И ему всякий раз делалось не по себе. Из маминых слов выходило, будто она совершила трагическую ошибку. Свернула на дороге жизни не туда и будет жалеть

об этом до конца своих дней. Но ведь выбери она другой поворот, у нее не было бы Питера. А Питер был рад, что появился на свет. И маму он любил. Она была самой красивой мамой на свете, особенно когда нарядится и вымоет голову. Но это все пустяки, сказала мама с мечтательной улыбкой. Хорошо, что тебе понравился корабль. Значит, ты умный мальчик и у тебя хороший вкус.

Утром в понедельник – это был единственный день недели, когда мама уезжала на работу раньше, чем уходил школьный автобус, – Питер вынес кораблик из дома, чтобы показать Кейт, и с тех пор его не видел.

Сначала кораблик было очень интересно рассматривать, но через несколько дней оказалось, что больше он ни на что не годится. На воде он держался, как мама и обещала, однако, когда Питер с Кейт запустили его во дворе, на корпусе остались длинные царапины. Питер снял перчатки и потер отметины пальцем, но они никуда не делись и были по-прежнему отлично видны на блестящем полированном дереве. Кейт хотела запустить кораблик снова, на этот раз со старой Барби на борту, но Питер не позволил – испугался, что корпус еще поцарапается. И решил спрятать модель до поры до времени. Вот только куда?

Когда мама уходила в спальню, в доме становилось очень тихо, но не как в библиотеке или еще в каком-нибудь уютном месте. Так тихо бывает, когда сапер нажимает на кнопку, задерживает дыхание и ждет – взорвется фугас или нет. В подобные минуты Питер отчетливо слышал стук собственного сердца и шорох крови, стремящейся по жилам.

Отец вел себя как ни в чем не бывало, как будто мама ушла на работу или в магазин. Он отказывался замечать, что она почти ничего не ест, что ее плечи поникли, а зубы потемнели от налета. Даже если она не выходила из комнаты три, четыре, а то и пять дней, он спокойно ел хлопья по утрам и читал вслух заголовки из «Пост». Обнаружив, что пакет с молотым кофе опустел, он говорил Питеру: «У нас кончился кофе» – и делал пометку в списке покупок, что лежал у телефона, – как будто мама просто куда-то вышла. Когда Питер был маленький и ходил в первый класс, родители о чем-то говорили по утрам в спальне, плотно закрыв дверь. «Смотри не пропусти автобус, приятель», – говорил отец, и Питер, в зимней куртке и с рюкзаком за спиной, сидел и смотрел на часы. Когда маленькая стрелка достигала восьми, а большая оказывалась между девятью и десятью, пора было выходить.

Где-то в третьем-четвертом классе Питер заметил, что разговаривать по утрам родители перестали. Прежде чем выйти из дома, отец бросал взгляд на лестницу. Иногда, попрощавшись с сыном, он оборачивался на пороге, словно вспомнив о чем-то. Питер вдруг понял, что отцу даже нравится, когда мама по нескольку дней пропадает в спальне. В эти дни он делался спокойнее, веселее. Приходил с работы, устраивался на диване и ставил стакан виски на кофейный столик. Однажды вечером отец сообщил, что ему исполнилось тридцать шесть лет. Питер ужасно расстроился, что папу никто не поздравил, но тот, казалось, нисколько не переживал. Разрешил поужинать вафлями, включал баскетбол и не ложился до утра. Бубнеж телевизора в три часа ночи тревожил Питера не меньше, чем мамины странности, и он вскакивал с кровати – перепуганный, растерянный, словно не услышал будильник и опоздал на школьный автобус. Иногда Питер выбирался в коридор и караулил маму. Он знал – она выйдет. Будет долго пить в ванной холодную воду, припав к покрытому известковым налетом крану, а потом вернется в спальню.

«Мам!» – звал он, когда она выходила из ванной. Мама останавливалась и клала ладонь ему на лоб, нисколько не удивляясь тому, что ее сын сидит на полу в коридоре посреди ночи. Питер напоминал ей – за две недели, а то и за месяц, – что ему надо идти на день рождения, купить подарок, что в школе задали нарисовать генеалогическое древо и без нее никак не справиться. Говорил, что за весь день не съел ничего, кроме бутерброда с виноградным джемом, – чтобы хоть как-то зацепить ее внимание. Но мама только морщилась, как будто его слова причиняли ей боль, и спешила обратно в свое убежище.

Через несколько дней она выбиралась из спальни – и опять становилась лучшей мамой на свете. Она устала, ей надо было отдохнуть, рассуждал Питер, и теперь она отдохнула. Бывало, он не видел ее неделями, а потом вдруг просыпался от запаха яичницы, бекона и блинчиков. Мама ласково желала ему доброго утра и смотрела, как он ест, выдыхая сигаретный дым в полуоткрытую заднюю дверь. Выглядела она умиротворенной. Безмятежной. Как человек, который прошел тяжелое испытание и начал новую жизнь.

Может, мама снова приболела, подумал Питер, засунул курицу в духовку и заглянул в кладовую в поисках гарнира. Банка стручковой фасоли. Маме должно понравиться. У нее, наверное, грипп. Надо подняться наверх и сказать, чтобы не волновалась – он справился. Принести ей тарелку прямо в спальню. Или пусть она сама спустится, если захочет. Питер доставал кастрюлю, когда услышал, как открывается дверь.

– Энн! – позвал отец, входя в кухню. – А, это ты.

– Уроки отменили.

– А где мама?

– Отдыхает, – ответил Питер. – Я как раз...

Он встряхнул банку фасоли.

– Это подождет, приятель. Тут дел всего на пару минут – разогреешь, когда будем за стол садиться.

Питер вернул банку на место. Кастрюлю он оставил на плите.

– Можно я тогда пойду погуляю? Там ребята...

– Я их видел. Конечно, иди. Повеселись хорошенько.

– Курица...

– Я с ней разберусь.

Первый залп большой войны еще не грянул. Команды собрались на широкой, ровной площадке за домом Мальдонадо. Кейт увидела его первой.

– Чур, Питер с нами! – завопила она, и все головы обернулись на него.

– Нашел? – спросила Кейт, когда Питер занял место рядом с ней.

Бойцы поделили территорию: одной команде предстояло прятаться за деревьями, другой – за «кадиллаком» мистера Мальдонадо.

– Нет еще, – ответил Питер.

В переднее колесо «кадиллака» угодил снежок. Питер, Кейт и остальные открыли ответный огонь. Мороз кусал щеки, обжигал ладони, но под куртками становилось все жарче. Как ни торопилась Кейт, она все равно не успевала лепить снежки – так быстро расстреливал их Питер. Щеки щипало, из носа текло. Он больше не думал о кораблике, о матери, о том, что отец забудет достать из духовки куриные ножки. Кейт от хохота повалилась лицом в снег.

Снаряды были на исходе. Пока половина команды лепила новые снежки, враги перебили другую половину и отправили на «кладбище».

– Отстой! – заявила сестра Кейт Натали. – Я пошла домой.

Она поднялась во весь рост и пошла к дому, равнодушно обходя «убитых» солдат. И тогда поле боя снова превратилось во двор, а бойцы в школьников. Игра закончилась. Остальные один за другим покидали укрытия и расходились кто куда. Снег повалил еще сильнее.

– Ты идешь? – окликнула Сара сестру, взбежав на крыльцо.

Девочки Глисонов были и похожи, и не похожи друг на друга. Кейт чем-то напоминала Натали, но та была темноволосая и ростом на четыре дюйма выше. У Сары и Кейт волосы были светлыми, но на этом их сходство заканчивалось. Все три сестры бурно жестикулировали при разговоре, этим они пошли в мать.

– Минутку! – крикнула Кейт. – Ты домой? – спросила она, когда они с Питером остались на площадке вдвоем.

– Наверное, – замялся Питер.

– Мама сделала горячий шоколад. Хочешь, возьмем термос и ходим на валуны?

– Я, наверное, все-таки домой.

– Как хочешь, – ответила Кейт. Она глядела мимо Питера, на их дом, на окно второго этажа, из которого за ними наблюдала Энн. – Там твоя мама. – Кейт неуверенно помахала рукой и посмотрела на Питера, словно ожидая, что и он тоже помашет.

– Моя мама? – Питер обернулся, приставив ладонь козырьком.

– Это же твоя комната, правильно? Твое окно?

Когда он сбросил мокрые перчатки, шапку, шарф, куртку и ботинки, взлетел по лестнице и ворвался в свою комнату, от кораблика остались одни обломки. Съёмные детали – стаксель, мачты и воронье гнездо – были целы. Но лакированный корпус превратился в щепки. Его грубо обнаженное нутро выглядело непристойно, и Питер отвернулся.

– Он был в гараже, – медленно проговорила мама. – На мусорном баке.

– Я знаю, – растерянно ответил Питер. Голова у него шла кругом. – Это я его там оставил.

Теперь он все отчетливо вспомнил: вот он слышит глухое тарыхтение школьного автобуса, который вот-вот появится из-за угла, вот бежит в гараж с корабликом в руках, чтобы спрятать его, пока не вернется.

– Ты нарочно оставил его там? Чтобы он упал и разбился? Почему?

– Я играл с ним. Хотел показать Кейт. Потому что он мне очень нравился. Мне правда нравился твой подарок, мам. Я его там оставил, потому что опаздывал на автобус.

Питер глядел на разбросанные по кровати обломки. У него шумело в ушах. Мама встала, прижав кончики пальцев к вискам.

– Зачем ты хотел показать корабль этой девчонке? Зачем вынес его из дома?

– Не знаю. Просто хотел показать.

– Что ж, это будет тебе уроком. – Она шагнула к Питеру и с силой хлестнула его по лицу. – И это будет тебе уроком.

Питер отшатнулся. Сначала было совсем не больно, но через несколько мгновений левую щеку пронзили миллиарды иголок. Он потрогал губы кончиком языка, ожидая почувствовать вкус крови. Питер смотрел на книги, на плакат с Солнечной системой. Каким еще уроком? Питер тщетно силился понять, что он должен выучить. Дышать было тяжело, как через соломинку.

– Но ведь это ты его разбила. Когда ты его нашла, он был целый. И ты его расколотила.

Каждое слово давалось с трудом, голос звучал хрипло и глухо, а в голове шумело так, что казалось, она вот-вот взорвется.

– Ты же сказала, что он дорогой. Я его положил так, чтобы он не упал.

Питера вдруг охватило бешенство. Он рывком сдернул с кровати одеяло и покрывало, и остатки корабля разлетелись по комнате. Столкнул со стола стопку книг. Швырнул на пол коробку фломастеров. Схватил с подоконника стеклянный шарик, который мама подарила, когда он был совсем маленьким. В нем Санта летел на санях над шпилем Эмпайр-стейт-билдинг. Питер занес шарик над головой.

Брайан вбежал в комнату с пультом от телевизора в руках.

– Что за дьявольщина? – Он увидел обломки корабля. – Господи Иисусе!

Энн запахнула халат.

– Спроси его! Спроси, как он обращается с дорогими вещами! – Она подскочила к Питеру и толкнула его. – Спроси! – Она толкнула его снова. – Давай, спроси!

– Прекрати, Энн. – Брайан оттащил ее прочь. – Утомонись.

Он запустил пальцы в волосы и на мгновение застыл у окна, спиной к жене и сыну, потом резко развернулся.

– Ладно, Пит.

Брайан начал открывать ящики шкафа. Выгреб белье, футболки, свитеры. Сунул охапку одежды Питеру и велел сложить все в рюкзак.

Мать смотрела на них, не двигаясь с места.

– Что ты делаешь? – спросила она резко.

– Это все твоя работа, – спокойно ответил Брайан. – Как обычно. Твоя работа.

Спускаясь по лестнице вслед за отцом, Питер слышал мамины крики – но только пока они не вышли из дома и папа не захлопнул входную дверь.

В машине пришлось ждать, пока прогреется мотор, – это немного разрядило обстановку. Адреналиновый шторм в крови у Питера стих, и он снова мог вздохнуть. Щека болела гораздо меньше. Нехорошо, что они бросили маму одну дома в таком состоянии. Питеру начинало казаться, что все это какое-то недоразумение. То ли мама чего-то не поняла, то ли он.

Отец возился с решетками обогревателя, пытаясь направить струю горячего воздуха на лобовое стекло. Питер смутно догадывался, что папу тоже подхватило какое-то внутреннее течение. Брайан стукнул ладонью по рулю. Потом еще раз. Снег уже засыпал дорожки и почтовые ящики. На площадке за домом Мальдонадо не осталось ни следа от недавней баталии. Наконец машина задним ходом выехала со двора и, вихляя, покатила вниз по улице. «Дворники» яростно терли лобовое стекло, не справляясь со снежными хлопьями. Отец наклонился вперед, чтобы хоть что-то разглядеть между их взмахами. Они проехали Мэдисон-стрит, вырулили на Централ. Мимо, ослепив их фарами, проехал снегоуборщик, за ним грузовик, посыпавший дорогу солью. Крутой подъем на Оверлук-драйв был перекрыт. На всех светофорах горел желтый свет, чтобы никто не вылетел в сугроб, резко затормозив на красный. Питер так вцепился в свой рюкзак, что руки стало сводить.

Отец подъехал к остановке посреди Централ-авеню. Мир превратился в черно-белую фотографию. Припаркованные у тротуаров автомобили, пустую детскую площадку и беседку, в которой летом по пятницам играли джаз, окутало призрачное безмолвие. «Дворники» старательно сметали со стекла снег.

– Проклятье! – пробормотал отец.

– Да уж, паршиво, – согласился Питер.

– Ага...

– Куда мы едем?

Отец потер глаза.

– Дай подумать, приятель.

К ним направлялся синий автомобиль. Питер узнал машину мистера Глисона, только когда она подъехала совсем близко.

Оба водителя опустили стекла, и снежный ветер ворвался в салон, словно только этого и ждал.

– На дорогах полный мрак! – прокричал мистер Глисон. – У вас все в порядке?

– Да! Все отлично! – ответил отец своим «полицейским» голосом. Голосом человека, уверенного в себе и привыкшего командовать.

– О, и Питер здесь! Куда же вы собрались, ребята?

– В видеопрокат, – ответил отец. – А то, похоже, на несколько дней дома застрянем.

– Все закрыто, – сообщил мистер Глисон. – И проезд перекрыт.

На секунду Питеру показалось, что он сейчас выйдет и начнет досматривать их машину.

– Опоздали, выходит! И чего ждали, спрашивается! – дурашливо посетовал отец, словно его застукали за какими-то глупостями и потом обязательно будут дразнить. Снег хлестал его по лицу и тут же таял на теплой коже, превращаясь в водяные капли.

– Не переживайте! – крикнул мистер Глисон сквозь ветер.

– Постараемся! – крикнул в ответ отец.

Он закрыл окно, и вокруг стало еще тише, чем прежде. На улице выла буря, ветер швырял повсюду пригоршни белых хлопьев, и казалось, что снег идет с неба, с земли, со всех сторон. Питер с отцом сидели в неподвижной машине посреди улицы.

Внезапно Брайан махнул рукой в сторону автомастерской на углу.

– Плоская крыша, – произнес он. – Видишь? Туда уже не меньше фута намело. На месте хозяев я бы это дело побыстрее убрал.

– Разве не опасно лезть на крышу в такую бурю? – удивился Питер.

– Опасно, но иначе крыша обвалится. – Брайан пожал плечами и положил руки на руль.

Питер стал рассматривать окрестные здания в поисках плоских крыш. «Пирог и пицца». «Алые ноготки». Салон красоты «Корона». Все закрыто.

– Я не могу друзей в гости звать, – проговорил он, не глядя на отца. – Вообще не могу. Мне нельзя никого приглашать. Даже когда она нормальная.

– Тут уж ничего не поделаешь.

– Почему?

– Твоя мама... Не знаю, как сказать. Чувствительная. Она часто нервничает. Но знаешь, на свете есть куча детей, которым куда хуже, чем тебе. Куда хуже. Поверь, я знаю, о чем говорю.

– Но...

– Послушай. Тебе не на что жаловаться. Знаешь, что я делал в твоём возрасте? Работал. Разносил газеты. А мать моя пила не просыхая, Пит. Ты, наверное, мал еще, чтобы понимать, что это такое. Она добавляла спиртное в кофе, в апельсиновый сок, во все, что под руку попадалось. Мне звонили соседи, продавцы из универмага: «Приходи, забери свою мамашу, Брайан, она на ногах не стоит». А ведь я был не старше тебя. А потом она целовала меня: «Прости, малыш, прости», и изображала, что помогает мне делать домашние задания, а мне приходилось терпеть, чтобы она не чувствовала себя совсем уж никчемной.

– Ты же говорил, она возила тебя и твоих друзей на игру в «Поло-Граундз». И всем купила билеты.

Отец кивнул, погруженный в воспоминания:

– Так и было. Значит, я тебе рассказывал? Да, свозила меня, твоего дядю и еще пару ребят из нашего дома. Как-то раз – не помню, рассказывал я тебе или нет, – мама подписала контрольную, которую провалил мой друг Джеральд. Тогда шел снег, почти как сейчас, и Джеральд всю дорогу до дома нес листок с контрольной в руках. Листок был весь мятый и мокрый, с большой красной двойкой. Родители должны были его подписать, и Джеральд так трусил, что зашел ко мне посоветоваться, как быть. Мама услышала наш разговор и попросила показать ей эту контрольную. Взяла и не задумываясь написала сверху имя матери Джеральда. «Было бы из-за чего переживать», – сказала она. А потом дала нам денег на конфеты. Учительница ни о чем не догадалась.

– Твоим друзьям она нравилась, наверное.

– Они ее обожали. Жаль, что вы так и не встретились.

Брайан включил аварийные огни и медленно-медленно поехал к дому.

Глава третья

В последний день тысяча девятьсот девяностого года – Питер и Кейт были уже в восьмом классе – Энн Стенхоуп заняла электронную очередь в гастрономе «Фуд-Кинг». Энн выглядела великолепно, в длинном облегающем пальто, без шапки, несмотря на холодный день, зато в клетчатом шарфе, дважды обмотанном вокруг шеи. Миссис Уортэм, администратор ортопедического кабинета, тоже пришедшая за покупками, отметила, что каблук у Энн дюйма четыре, а то и больше, – шикарно, ничего не скажешь, особенно в такую слякоть, да на посыпанных солью дорогах. «Это она с работы, наверное, – подумала миссис Уортэм. – Не у всех же выходной». И тут же вспомнила, что Энн Стенхоуп медсестра. Значит, на вечеринку собралась, решила миссис Уортэм. Взяв талон и ни с кем не поздоровавшись, Энн отошла в сторону и стала ждать, когда одна из продавщиц с забранными под сетку волосами ее вызовет. «Сорок три! – провозглашали продавщицы, поворачивая диск с номерами. – Сорок четыре!» Жители Гиллама один за другим подходили к застекленному прилавку и делали заказы. Фунт копченого окорока, большими кусками. Полфунта проволоки. В магазине было полно народу: остатки после Рождества все уже подъели, а впереди был Новый год. Энн Стенхоуп держала талон с номером пятьдесят один.

Сорок пять, сорок шесть, сорок семь. Джонни Мерфи, приехавший на каникулы из колледжа и отправленный матерью в магазин, заметил среди покупателей своего школьного тренера по бейсболу, бросился его приветствовать и загородил остальным проход, пока кто-то не заметил в шутку, что мистеру Первоклассному Питчеру надо бы подвинуться. В колледж Джонни попал благодаря спортивной стипендии, а в выпускном классе весь Гиллам следил, как он приносит команде победы над соседними городками – побогаче, с хорошими стадионами. Номер сорок восемь забыл составленный женой список покупок, долго экал и мекал и в итоге попросил стейк по-лондонски и фунт немецкого картофельного салата. Сорок девятый и пятидесятый номера позвали одновременно, с разных концов прилавка. Менеджер отправил в зал подмогу, и очередь пошла быстрее.

И тут Энн Стенхоуп вдруг поняла, что, похоже, все, кто был в магазине, либо получают свои покупки прямо сейчас, либо уже получили. Даже те, кто пришел после нее, – Энн их толком не видела, только чувствовала их присутствие за спиной, – успели разжиться стейками, салатами и сырами. Все, кроме Энн Стенхоуп. Продавцы за прилавком трудились не покладая рук: только что обслуживали пятьдесят второй номер и вот уже звали шестидесятый. А за ним и шестьдесят первый. Люди толпились вокруг нее, закрывали обзор, и Энн охватило давно знакомое и почти забытое ощущение. Сердце билось все громче и чаще, и в такт ему пульсировала глубоко внутри какая-то неистовая злоба – тем сильнее, чем дольше Энн не двигалась с места, чем дольше молчала и чем пристальнее смотрела. Боковое зрение размывало силуэты, а стоило повернуться, чтобы разглядеть как следует, как они тут же ускользали. Казалось, все процессы в теле Энн ускорились, в то время как процессы за пределами ее тела – движения других покупателей, тянущихся к полкам, кладущих покупки в тележки, – замедлились. На шве молочного пакета набухла белая капля. Старик потерял свой синий, в прожилках нос, и Энн заметила торчащие из него волоски – такие же неприличные, как на иных частях тела. В дальнем конце магазина с силовым вздохом распахнулись автоматические двери. Ворвавшийся с улицы порыв ледяного ветра пронесся по залу и скользнул Энн под пальто. Решительно никому не было до нее никакого дела. Энн огляделась по сторонам и с удивительной ясностью – в такие моменты ее разум ухватывал все в мельчайших подробностях, высвечивая даже то, на что она прежде не обращала внимания, – поняла, что ее не замечают нарочно, что все сговорилось против нее по каким-то неведомым причинам, наверняка таким пустым и ничтожным, что попытки их выяснить стали бы пустой тратой времени. Все вокруг перемигивались, переглядывались

и подавали друг другу тайные знаки. Все объединились с одной целью: не пустить к прилавку покупательницу номер пятьдесят один.

Энн сбросила туфли, чтобы твердо стоять на ногах на случай нападения. Одним ловким движением она нагнулась, подхватила обувь с пола и бросила в свою корзину. Потом размотала шарф.

– Стойте! – закричала она, вскинув руку, словно отличница, которой не терпится дать правильный ответ, и бросилась к прилавку.

– Что вы делаете? – спросила женщина из очереди. – Нельзя ходить босиком.

– Отчего же? – усмехнулась Энн, пристально разглядывая незнакомку.

У женщины были неприятно вялые, будто резиновые губы, во всем ее облике сквозила ленивая медлительность, которая показалась Энн отвратительной. Каким-то краешком сознания вспомнив, что покупательница – министрانتка в церкви Святого Варфоломея, Энн изумилась: как же она раньше не замечала, до чего эта особа омерзительна! И это существо прикасается своими гадкими пальцами к гостиям, Телу Христову, и Энн берет их в рот! Желудок стянуло узлом, к горлу подступила рвота. Она прижала кулак к дрожащим губам и усилием воли подавила позыв.

– Стойте! – повторила Энн, когда дурнота улеглась. Весь магазин от отдела морепродуктов до прилавка с импортными сырами замер и уставился на нее. Она шагнула вперед, сжимая в руке талон. – Сейчас моя очередь!

Вышло как-то жалко, люди наверняка подумали, что она вот-вот расплчется. Этому Энн допустить не могла и потому повторила: «Стойте!» – громче, решительнее. Но за несколько шагов до прилавка – босые ноги сводило от холода – из головы у нее напрочь вылетело, где она и что должна сделать; вылетело все, кроме одного: против нее устроили заговор.

– Как вы смеете? – выкрикнула она в лицо пожилому покупателю у прилавка с макаронными салатами. – Прекратите на меня пялиться!

– Прошу прощения, – пробормотал старик, отступая назад. – Проходите, пожалуйста.

– Прекратите на меня пялиться! – повторила Энн.

– Я не пялюсь... Не пялился. Не нужно кричать, милочка, – проговорил старик очень мягко, и всем стало ясно, что он старается ее утихомирить, что сейчас может произойти все что угодно и он хочет разрешить ситуацию самым простым и безопасным способом. – Простите меня, пожалуйста. Я встал перед вами нечаянно, пожалуйста, проходите.

– Прекратите на меня пялиться! – рявкнула Энн, а потом развернулась и проорала те же слова, обращаясь ко всему магазину.

Та продавщица, что была повыше, строгим голосом велела ей вести себя потише, а ее напарница вызвала менеджера. Энн медленно развернулась, обведя взглядом всех и каждого, решительно направилась к пирамиде из крекеров – из обычной муки, цельнозерновых, с кунжутом, без кунжута – и толкнула ее бедром. Когда пирамида обрушилась, она обхватила себя руками и крепко зажмурилась. Раньше ей казалось, что в магазине человек десять, но теперь стало ясно, что их больше, намного больше. Все глядели на нее, никто не говорил ни слова.

– Прекратите на меня пялиться! – взмолилась Энн, зажала ладонями уши и завывала.

Кто-то снова позвал по громкоговорителю менеджера.

Питер, который предпочел остаться в машине, чтобы послушать по радио новогодний хит-парад, как раз посмотрел на часы на приборной доске, когда вдалеке завывала сирена скорой помощи. Сирена выла все громче и громче – казалось, громче уже невозможно, – и вдруг замолчала. «Скорая» остановилась у входа в супермаркет. Питер бросил взгляд в зеркало, потом повернулся назад. У магазина толпились люди, медики расталкивали их, пробираясь к дверям. Подъехала полицейская машина. С другой стороны улицы подкатила еще одна. Питер однажды видел, как у покупателя в молочном отделе случился инфаркт. Он не заметил, как

бедняга упал, но хорошо запомнил, как тот лежал на полу, прижав руку к плечу, а из бутылки с бульканьем лилось молоко. Что было дальше, Питер так и не узнал, отец увел его прочь. Как ни странно, об этом случае он больше не вспоминал. Смерть – это для взрослых, и все же Питеру не хотелось бы встретить свой час в гастрономе. Он откинулся на спинку сиденья. По радио Джанет Джексон пела уже вторую песню. Диджей обещал сто хитов до следующего года, но как он это успеет, было непонятно. К машине подошел старик. Дедушка Криса Смита – вспомнил Питер. Мистер Смит покрутил в воздухе пальцами, Питер понял его и опустил стекло.

– Ты ведь Питер, так? Помнишь меня? Мой внук с тобой в одном классе. Слушай, твоей маме стало плохо в магазине. Ничего серьезного, но ей придется побыть в больнице. Давай я отвезу тебя домой. Как удачно, что я тебя заметил.

Несколько мгновений Питер ошарашенно смотрел на мистера Смита, но потом выскочил из машины, забыв внутри ключи.

– Что случилось? – спросил он, уже совсем по-другому глядя на толпу у входа.

Питер быстрым шагом пересек парковку. Увидев, что из магазина кого-то выносят на носилках, он бросился бегом.

– Мама? – крикнул Питер, продираясь через толпу.

Услышав его голос, Энн рванулась на носилках так, что один из фельдшеров чуть не упал.

– Питер! – позвала она пронзительным, испуганным голосом, и все зеваки мигом развернулись в сторону мальчика. Толпа расступилась, пропуская сына к матери.

– Скорее! – закричала Энн, но Питер не понял, о чем она.

Третий фельдшер нес туфли и шарф. Кончики пальцев Энн посинели от холода, волосы растрепались. Должно быть, она сопротивлялась, когда ее укладывали на носилки. Фельдшеры завернули Энн в ее пальто, как в одеяло.

– Скорее! – снова крикнула она, устремив на сына безумный взгляд, но Питер застыл на месте, не зная, что делать.

Толпа отступила назад. Пальто соскользнуло, и Питер заметил, что руки матери пристегнуты к носилкам. И ноги. Его пробрала дрожь. Медики стали грузить носилки в «скорую», полицейские отгеснили от машины всех, включая Питера.

– Питер! Скорее! – взвизгнула Энн.

Он повернулся к полицейскому, разгонявшему толпу.

– Это она мне, – прошептал он. – Я Питер. Можно мне поехать с ней?

– Питер, – к нему протиснулся мистер Смит, – давай лучше мы поедem ко мне и позвоним твоему папе. Миссис Смит сделает тебе сэндвич.

Но у них жил Крис. А что знал Крис Смит, знал весь класс. Плечи у Питера тряслись уже так, что все вокруг наверняка это заметили. Мистер Смит приобнял его, но стало только хуже.

– Ты ее сын? – спросил полицейский – офицер Далли, как он представился.

– Да.

Офицер Далли спросил у Питера полное имя и адрес, но мистериу Смиу пришлось отвечать за него. Он назвал фамилию Питера, объяснил, что Стенхоупы живут на Джефферсон-стрит, что мальчик живет с мамой и отец тоже имеется. Дальше они стали говорить об отце. Затем полицейский на несколько минут скрылся в салоне «скорой». Никто, похоже, никуда не спешил.

– У мамы инфаркт? – спросил Питер, когда полицейский вернулся.

– Нет, – ответил офицер Далли, не уточнив, что стряслось на самом деле – что-то нестрашное или что-то похуже инфаркта. – В каком участке служит твой отец?

Питер не помнил. Ответ вертелся на языке, но как-то ускользал.

– Он сейчас на работе?

Питер кивнул.

Получалось, что ему придется сидеть у Смитов, пока полиция не свяжется с отцом.

– Погодите. – Питер сбросил с плеча руку старика и повернулся к закрытым дверям «скорой». – Я хочу поехать с мамой.

Но машина уже тронулась.

– С ней все будет хорошо, Питер. Все будет хорошо.

– Тогда, пожалуйста, отвезите меня домой.

«Скорая» застряла на перекрестке у Мидлтаун-Роуд и включила сирену, чтобы проложить себе дорогу в пробке.

– Папа уже скоро вернется.

– Ты точно хочешь домой?

– Точно.

По дороге мистер Смит заметил, что новогодние праздники, если подумать, нелегкие дни. Веселое, конечно, время, отмечают всей семьей, но и трудное тоже, для некоторых людей. Одних денег сколько вылетает.

– Женщинам особенно тяжело, – рассуждал мистер Смит. – Они вечно стараются всех накормить и хотят, чтобы все было идеально. Чтобы и тарелки были какие-то особенные, и ложки. Раньше на праздники люди просто имбирное печенье пекли и каждому доставалось по одному подарку, но теперь все по-другому.

Старик посмотрел на Питера так, словно эти слова все объясняли. Питер хотел было сказать, что они с папой наряжали елку вдвоем. Что он сам испек печенье для школьной ярмарки. Просто делал все по рецепту, и получилось очень вкусно. Печенье Питер сложил в коробку из-под обуви – он видел, что так делали мамы ребят из класса. Но его собственная мама, увидев это, пришла в бешенство – он забыл выложить дно коробки фольгой или вощеной бумагой. Кто захочет выпечку из грязной обувной коробки? Она подняла такой шум, будто Питер бросил несчастное печенье на пол в общественной уборной. Кричала, что он загубил продукты, извел все масло в доме, – на этих словах мама хлопнула дверцей холодильника, – и тростниковый сахар, – она хлопнула дверцей шкафчика. Только увидев на сушилке вымытые до блеска противень и миски, мама замолкла, словно невидимая ладонь зажала ей рот. Она провела по столу кончиками пальцев и убедилась, что он идеально чистый, потом потянулась к коробке с печеньем и нерешительно взяла одно сверху. Питер смотрел и ждал. Распробовав, мама решила, что вышло совсем не дурно. Просто замечательное вышло печенье. Даже обидно продавать его по двадцать пять центов за штуку.

– Мы сами все съедим, – сказала мама. – Завтра я схожу в кондитерскую и куплю что-нибудь для школы.

– Что случилось в магазине? – спросил Питер, когда они повернули на Джефферсон-стрит. – Маме кто-то что-то сказал? Нагрубил ей?

– Не знаю, – ответил мистер Смит. – Правда не знаю.

– Просто она чувствительная, – пояснил Питер.

Когда они проезжали мимо дома мистера Глисона, тот как раз выносил мусор. И бросил удивленный взгляд на незнакомую машину.

– Это Фрэнсис Глисон? – спросил мистер Смит, выворачивая руль.

В его голосе слышалось облегчение.

Пока взрослые разговаривали, Питер достал из-под камня ключ и вошел в дом. Он успел налить себе воды и подняться на второй этаж, а разговор все не кончался. Стоя спиной к окну, Питер отхлебнул из стакана и сосчитал до сорока. Когда он обернулся, мистер Смит и мистер Глисон все еще говорили, только отвернулись от окон, словно боялись, что мальчик прочтет их слова по губам.

У нее в сумочке был пистолет. Энн его не доставала, даже не говорила, что он у нее есть, но оружие нашли в больнице, когда разбирали ее вещи. Ей всего-то нужно было ощущать

его тайную тяжесть, прикасаться к холодному металлу, когда лезешь в сумочку за кошельком. Устраивать стрельбу у нее и в мыслях не было. Боже упаси! Просто ей нравилось носить оружие. В конце концов, она успела забыть о содержимом своей сумки и, увидев пистолет, изумилась не меньше других. Фельдшер передал сумку полицейскому, словно боялся об нее обжечься.

– Ваш муж сейчас на службе? – спросил полицейский, держа маленький пятизарядник Брайана на вытянутой руке, будто боясь заразиться. – Здесь или в Нью-Йорке? – Он проверил обойму. – Господи! – Он вытряхнул на ладонь патроны.

Энн Стенхоуп молчала. Она перестала разговаривать еще в магазине, после приезда «скорой». Зачем? Много лет назад, в далеком прошлом ей пришлось овладеть искусством речи, но, утратив его, она нисколько не жалела. Все равно смысла никакого – треплют люди языками, треплют, а друг друга не понимают. Фельдшер принес пластиковый стаканчик, на дне которого перекатывалась большая бело-желтая таблетка. Он приподнял голову Энн, положил лекарство ей на язык, но она выплюнула таблетку ему в лицо.

– Зачем вы взяли это с собой, Энн?

Идиоты, подумала она. Все как на подбор. Дальше собственного носа не видят. Даже вообразить не способны, что кто-то может от них отличаться.

– Это вашего мужа?

Они решили, что Брайан на службе, но он вовсе не был на службе. Он отправился в автомастерскую неподалеку от «Фуд-Кинга» в надежде, что механики сотворят чудо и его «шевроле» побеждает еще полгода. Пистолет он положил туда, куда клал всегда, когда не ходил на службу: в книжный шкаф в гостиной. Конечно, оставлять оружие в доме не стоило, но Брайан не утруждал себя такими вещами. Это же Гиллам, в конце концов. Что здесь может случиться? Энн вернула бы пистолет на место, и Брайан вообще ничего бы не заметил.

Посреди больничного коридора, под безжалостным светом флуоресцентных ламп, у всех на глазах ее отстегнули от носилок и переложили на кровать на колесиках. Ее перевернули, бесцеремонно стащили трусы, выставили ее голый зад на всеобщее обозрение. Энн начала смеяться. Ей велели лежать тихо, но она нарочно повилыла попой – пусть видят, что ей плевать на их приказы. Кто-то воткнул в нее иглу, и Энн поняла, что плачет. Когда она перестала смеяться? Энн уткнулась в простыню, чтобы никто не видел. Теперь ей предстояло лежать на мокром, пока ее опять не переложат или не переменят белье. Кто-то натянул ей на ноги теплые носки.

Когда медики разошлись, Энн поняла, что в ее распоряжении всего две-три минуты. Возможно, меньше. В зависимости от того, что ей вкололи. Коп крутился возле сестринского поста, врач занимался другим пациентом. Энн собралась с силами и встала с кровати. Руки и ноги налились свинцом, а на шею будто повесили тяжелый якорь. Продвигаясь по коридору, она чувствовала себя как в детстве, когда пыталась бегать в воде.левой. Правой. Шаг. Еще шаг. Столько усилий, а результата – ноль. В детстве Энн плавала в Киллини-Бич, где волны перекатывали камни в прибрежной полосе, и они гремели, словно кости в мешке. Если нырнуть, можно разбить голову. Энн ловила воздух пересохшими губами. Шаг за шагом она добралась до конца коридора и выскользнула через вращающиеся двери. У них остались ее сумка, пальто и сапоги. Ну и ладно, дома полно одежды. В вестибюле Энн остановилась перевести дух, пришлось ухватиться за стойку регистратуры, но регистраторша ничего не заметила. У входа дежурило такси, и ей хватило сил открыть дверь и рухнуть на мягкое сиденье – никогда в жизни ей не было так удобно. В машине было тепло. Водитель поймал в зеркале ее взгляд и кивнул, словно ждал именно Энн Стенхоуп и никого другого. В магазине против нее ополчилось все человечество, но теперь вселенная стала понемногу исправляться.

– Гиллам, – сказала Энн. – Джеф-фер-сон-стрит, сто семь-де-сят о-дин.

Она произнесла эти слова очень медленно, словно говорила с маленьким ребенком, поскольку понимала, что не сможет их повторить. Через мгновение она закрыла глаза и уснула.

Проснувшись, она увидела лицо Фрэнсиса Глисона. Подбородок щетинистый, совсем не как у Брайана. А вообще Фрэнсис славный. Не такой красавец, как ее муж, но симпатичный. Основательный такой, надежный. Здоровенная ирландская башка, как кочан капусты. Глисон крепко ее держал. Ей захотелось спросить его, как шумят волны в Голуэе. Похож ли этот звук на дублинский грохот костей в мешке. Он как-то попытался завести разговор об Ирландии. Очень-очень давно. Лина Глисон тогда еще ходила с пузом и набухшими грудями, обвешанная младенцами. Пожалуй, Энн стоило быть с соседями повежливее.

Фрэнсис Глисон с удивительной легкостью поднял ее на руки, внес в дом, словно делал это каждый день, поднялся на второй этаж и опустил на кровать. Энн подумала, что, если он попытается ее изнасиловать, сопротивляться она не станет. На это просто не было сил. Она хотела сказать Фрэнсису, чтобы он взял деньги у нее в кошельке и заплатил таксисту, но язык не слушался. Да и кошелек больше не было. А еще у нее страшно замерзли ноги.

Питер думал, что они с мамой сумеют договориться и скрыть происшествие в магазине от отца. Мать не успела дать никаких распоряжений на этот счет, но у них еще оставалось немного времени. А отец привык заставить маму спать, приходя с работы, – он не удивится. Питер надеялся, что мистер Глисон уйдет к себе домой, но не тут-то было.

– Твоя мама отдыхает, – сообщил сосед и спросил, не хочет ли Питер пока посидеть у них. Кейт не было дома, но он мог бы посмотреть кино с Натали и Сарой.

Питер отказался, и тогда мистер Глисон уселся у них на крыльце и стал ждать. Питер не мог вспомнить, выключил он двигатель в маминой машине или тот по-прежнему работает на холостом ходу на стоянке перед «Фуд-Кингом», а радио отсчитывает оставшиеся до Нового года хиты. Вскоре к дому подъехал офицер Далли. Узнав, что Энн сбежала из больницы, он направился напрямик на Джефферсон-стрит. Мистер Мальдонадо снимал со стены своего дома рождественские гирлянды, хотя на улице давно стемнело. Питер заметил, как он уставился на копа в синей форме.

Когда Брайан наконец вернулся, офицер Далли и мистер Глисон беседовали на лужайке перед домом. Питер видел их в окно. Переговорив с соседом и полицейским, отец со всех ног бросился в гостиную, к книжному шкафу. Мистер Смит позвонил узнать, как дела. Он рассказал обо всем жене и получил выговор за то, что бросил ребенка в пустом доме на ночь глядя.

– Погодите, – попросил Брайан Стенхоуп, стараясь отойти от Глисона и офицера Далли настолько, насколько позволял телефонный провод. – А теперь расскажите все еще раз, если не трудно.

Следующие несколько часов взрослые вели переговоры, смысл которых Питеру был непонятен. Заметив, что сын сидит в темноте на ступеньках и слушает, Брайан велел ему пойти к себе в комнату, но Питер вернулся через пару минут и снова занял наблюдательную позицию. Оказалось, отец и мистер Глисон снова служат вместе, как в те времена, когда были стажерами, но теперь участок у них в Манхэттене, неподалеку от Колумбийского университета. Теперь-то Питер вспомнил. Выговор у мистера Глисона был не такой, как у мамы, но оба произносили имя Брайан как «Брайн», соединяя два слога в один.

– Поверь, Брайан, – говорил мистер Глисон, – никто не желает тебе неприятностей.

Офицер Далли согласно кивал.

Отец повысил голос:

– Я был дома! У меня выходной!

Мистер Глисон возразил, что дома-то Брайана как раз не было, что он был в автомастерской на Сентинел, а сейчас он влип по полной. Голос у мистера Глисона был злой и раздоса-

дованный, и Питер впервые задумался: может, отец Кейт – начальник его отца? Он попытался вспомнить, в каком каждый из них звании. Его отец – патрульный, а мистер Глисон – лейтенант.

– Соберись, Брайан, – велел мистер Глисон. – Начни наконец думать головой.

Произнеся это, он постучал по виску костяшками пальцев. Питер перегнулся через перила, чтобы разглядеть лицо отца в слабом свете торшера.

Когда миссис Давин при всем классе велела Питеру включить голову, он вспыхнул и с трудом сдержал слезы. Теперь он всей душой надеялся, что отец не станет плакать, но рассмотреть его лицо не мог: с лестницы была видна только штанина. В гостиной воцарилась тишина, а потом все словно бы не сговариваясь приняли какое-то решение. Офицер Далли протянул пистолет – папин собственный, насколько Питер смог разглядеть. Отец засунул его за пояс.

А мама все спала и спала.

Наступил девяносто первый год, зимние каникулы кончились, и Питер вернулся в школу. В первое учебное утро нового года он приготовил себе плотный завтрак. Собрал коробку с ланчем. Почистил зубы. Мама спустилась в кухню, когда он мыл миску из-под хлопьев. Не говоря ни слова, распахнула окно над раковиной и подставила лицо ворвавшимся в дом холодному воздуху.

– Ты совсем как он, – минуту спустя произнесла она, не открывая глаз.

– Как кто? Как папа? – спросил Питер.

Он знал: в ее устах это отнюдь не комплимент.

– Как папа? – передразнила она, скорчив дурацкую гримасу, словно хотела рассмешить невидимых зрителей. – Как пааапа? Как паааааааапа?

Питер невозмутимо снял рюкзак с крючка у двери и надел на плечи. Внезапно ему стало невыносимо одиноко. В этом доме одиночеством дышало все: черный сервант, заставленный хрупкими безделушками, к которым никто никогда не прикасался; искусственное растение около дивана; погнутые жалюзи на окне; тишина – такая пронзительная, что хотелось зажать уши. На улице прогудел автобус.

– Пока, – сказал Питер.

Мать махнула рукой, словно отгоняя муху.

– С твоей мамой что-то случилось? – спросила Кейт, когда они сели на свои места.

– Нет, – ответил Питер.

– Родители о чем-то таком разговаривали.

В школе о происшествии в магазине никто не сказал ни слова, даже Крис Смит. С Кейт можно было говорить откровенно, но Питер и сам толком ничего знал. Мама стала принимать таблетки. Больше ничего не изменилось. Он мог бы рассказать Кейт, что в первый день нового года на кухонной полке появились два больших пузырька янтарного цвета. Мама брала из каждого по таблетке и запивала большим стаканом воды. Потом наклонялась над раковиной и стонала. Иногда отец подносил флакончики к свету и внимательно изучал, словно пересчитывал оставшиеся таблетки.

– Она болеет? – спросил Питер как-то вечером.

– Кто? Мама? – переспросил отец.

И ничего не ответил.

Мама вышла на работу в тот же день, когда Питер вернулся в школу. После Рождества она взяла накопленные отгулы, и все, что с ней произошло, уложилось в эти две выходные недели. Никто не обсуждал ни происшествия в «Фуд-Кинге», ни «неотложки», ни того, как мистер Глисон нес ее на руках. Но прошло еще несколько недель, и Питер почувствовал: атмосфера вокруг него неуловимо меняется. Дни проходили как обычно: он завтракал, шел в школу, делал уроки, играл. После воскресной мессы Стенхоупы по-прежнему первыми выходили из церкви, пока остальные семьи стояли и болтали между собой. Правда, за покупками теперь приходи-

лось ездить в дорогой магазин в соседнем городе, и, перед тем как отправиться домой, мама с минуту мрачно изучала чек. Но дело было не в этом. После того вечера накануне Нового года все они – Питер, мама и папа – как будто говорили друг другу одно, а думали совсем другое.

Маме вроде бы становилось лучше. Когда янтарные пузырьки опустели, их заменили на два полных. В День святого Валентина Питер с отцом получили по огромной шоколадке в форме сердца. Однажды вечером она рассказала услышанный на работе анекдот про трех хирургов в баре, и отец улыбнулся. Правда, Питеру все равно постоянно казалось, что он хочет что-то сказать, но в последний момент решает, что не нужно. И мама тоже это чувствовала. За ужином она торопилась положить мужу горячее, едва он успевал покончить с салатом. Она бегала к холодильнику за льдом для его напитков, чего прежде не делала никогда.

– Я сама, – говорила мама, если отец начинал мыть посуду, и он послушно отправлялся на диван.

По вечерам, заглядывая в родительскую спальню сказать, что он сделал уроки и идет спать, Питер неизменно заставал их в разных углах комнаты; отец сидел, уставившись в телевизор, а мама листала журнал, искоса поглядывая на отца.

Однажды, когда мама собиралась на работу, а он в школу, Питер сбежал по лестнице в подвал проверить, есть ли на сушилке чистые носки, и едва не споткнулся о толстую гляцевую брошюру, которая валялась у нижней ступеньки. Брошюра рекламировала поля для гольфа в Южной Каролине. Отец давно интересовался гольфом, мечтал его как следует освоить и даже приобрел на будущее набор клюшек. Обещал научить Питера главным ударам, когда тот подрастет. Игрок на обложке брошюры только что ударил по мячу и улыбался, наблюдая за его полетом. На первой странице была фотография счастливой парочки, а под ней бесконечные колонки цифр. Предложения и цены. Студии. Одноместные, двухместные и трехместные номера. Сезонная и годовая аренда. Накануне Питер забирал почту и точно знал, что никакой брошюры там не было. Он положил находку на стол в гостиной, на случай, если она понадобится родителям, отыскал носки и вернулся к себе. Одевшись, Питер выглянул в окно. Отец очищал машину от снега после внезапной мартовской метели. Держа скребок лезвием вверх, он крошил черенком лед на лобовом стекле. Чтобы удобнее сковыривать расколотый лед со стекла и стряхивать на дорожку, он снял с руки перчатку. Время от времени он прикрывал глаза ладонью и смотрел вдаль.

Отцу здесь неважно, понял Питер. Он хочет сбежать. Стоило этой простой и ясной мысли утвердиться в голове, как все, что прежде казалось нелепицей, обрело смысл.

Отец потопал на крыльце, стряхивая снег с ботинок, и вошел в дом – в дверях негромко скрипнул резиновый уплотнитель. Когда Питер спустился, чтобы приготовить завтрак, брошюры на столе не было.

Шли дни, и ничего не менялось. Наступила весна. Начался бейсбольный сезон. Отец объявил, что пришло время взять Питера на настоящую игру. Он пообещал принести расписание матчей, чтобы они могли выбрать подходящий день. Во дворе Глисонов расцвели тюльпаны. Дни стали теплее, после уроков Кейт и Питер выходили из школьного автобуса, завязав свитера вокруг пояса. Началась подготовка к выпускному. Кейт поставили в пару с Джоном Диллсом. Мальчишек в классе было больше, чем девчонок, так что на церемонии Питеру выпало идти в паре со вторым по росту мальчишкой. Следующей осенью они переходили в старшую школу, а значит, не за горами были большие перемены. Водительские права. Работа. Колледж. Свобода. И все же в глубине души Питеру хотелось, чтобы все оставалось по-прежнему. И все так и оставалось. Еще около месяца.

Глава четвертая

Если занять правильную позицию, из-за валунов можно было увидеть, как автомобиль мамы Питера скользит между туями мистера Мальдонадо и вырывается на Джефферсон-стрит. У Питера на лбу вскочил прыщ, и Кейт его, разумеется, заметила. В школу он отправился в бейсболке «Метс» и решил снять ее только после второго звонка. Под конец уроков Питер выудил бейсболку из рюкзака и положил себе на колено, чтобы надеть, как только учеников отпустят в автобус. Кейт накануне во время софтбола неудачно въехала в третью базу и ободрала коленки. Она то и дело ощупывала царапины, словно сравнивая их шероховатость с гладкой кожей вокруг. Питер как замороженный следил за ее движениями. Кейт недавно наглядно продемонстрировала ему, насколько его ноги толще и сильнее, чем ее.

– Вот! – сказала она и придвинулась к нему, когда оба, в шортах и кроссовках, сидели на бордюре и ждали, когда соберутся другие ребята. – Смотри!

Ощувив прикосновение ее кожи, Питер вздрогнул и отстранился. Кейт притихла, а когда он, чтобы справиться со смущением, спросил: «Ты слышала, что Джой Мальдонадо купил машину?» – залилась краской.

Дело было в конце мая, и в их рюкзаках вперемешку с учебниками лежали листки, отпечатанные к выпускному, до которого оставались считанные недели. Питер дал себе слово не переживать по этому поводу, но не переживать не получалось, главным образом из-за того странного, что происходило между ним и Кейт. Шон Барнетт сказал ребятам, что Кейт ему нравится и он точно нравится ей. На Питера он при этом даже не посмотрел.

– Какого черта? – спросил тот, сам не понимая, что его так разозлило.

– Чего? – удивился Шон. – Вы же вроде кузены?

– Никакие мы не кузены.

– Значит, вы целовались?

Все уставились на него; все восьмиклассники, собравшиеся на парковке поиграть в стикбол, ждали его ответа.

– С чего ты взял, что ей нравишься? – глупо спросил Питер, чувствуя, что прямо сейчас теряет в их глазах всякие права на Кейт Глисон.

– Просто знаю, и все, – отрезал Шон.

– Откуда знаешь-то? – настаивал Питер. – Мне, например, так не кажется.

Он старался говорить уверенно, как будто уж ему бы Кейт точно сказала, нравится ей Шон Барнетт или не нравится. Пусть не забывают – никто в этом мире не знает Кейт Глисон лучше, чем Питер. Да Кейт и вправду бы ему сказала. По крайней мере, Питеру хотелось так думать.

Кейт вечно выпытывала, о чем говорят мальчишки в отсутствие девчонок, но Питер твердо решил не сообщать ей о Шоне Барнетте – вдруг ей и впрямь взбредет в голову в него влюбиться. Карабкаясь по валунам и посматривая на туи Мальдонадо, он рассказывал о том, что парни договорились во время игры в стикбол делать легкие подачи Лоре Фумагалли, чтобы она взяла мяч и кинула его через черный «мерседес» монсеньора Репетто, единственного человека, которому было позволено парковаться на школьном дворе. А когда Лора побежит по базам, они смогут увидеть, как у нее сиськи колыхаются под майкой.

Кейт валялась на траве и слушала с самым серьезным видом, будто на уроке истории или математики. Если она и ревновала к чужой популярности, то совсем чуть-чуть. Коварством мальчишек она восхищалась, а их план целиком и полностью поддерживала.

– Ты ведь ей не скажешь? – на всякий случай спросил Питер.

– Конечно нет! – возмутилась Кейт.

Она вскочила на ноги, ловко, как кузнечик, запрыгнула на средний валун и с вызовом взглянула на Питера. Тот пожал плечами, но невольно расплылся в улыбке. Кейт ткнула его в живот.

– Это было круто. А?

Пока Кейт рассказывала, что мать Лоры начала покупать ей лифчики еще в пятом классе, они оба карабкались на самый большой валун. Внезапно Кейт поскользнулась, съехала по шершавому каменному боку и рухнула в траву, напоследок сильно ударившись подбородком.

Питер бросился к ней:

– Кейт, ты как?

Он коснулся ее щеки.

– Я, кажется, зуб сломала, – отозвалась Кейт.

Питер приподнял ее, заставил приоткрыть рот и осторожно ощупал зубы. Кейт почувствовала, что палец у него соленый. Питер заметил, что Кейт наблюдает за ним, стараясь поймать его взгляд из-под козырька бейсболки.

– Там кровищи полно, – объявил он, стремительно отдернув руку, словно она его укусила.

Кейт села, наклонилась, сплюнула в траву, вытерла рот тыльной стороной ладони и снова сплюнула.

– Ох. Тьфу ты. Черт, Питер. – Она говорила как на приеме у дантиста после заморозки.

Потом мотнула головой в сторону дома Питера. В задних дверях стояла его мать и прищурясь смотрела во двор.

Питер вскочил на ноги. Прежде чем он успел хоть что-то сообразить, Энн пересекла двор и оказалась прямо перед ним. Похоже, она видела не только то, что они с Кейт делали, но и то, о чем они думали, то, что зарождалось у них внутри.

– Мы просто...

– Домой, – приказала Энн.

– Но я только...

– Сейчас же.

– Постойте, – произнесла Кейт.

Питер обернулся к ней, хотя чувствовал, как нарастает ярость матери.

– Он просто хотел мне помочь, – сказала Кейт, поднявшись на ноги. – Мы просто разговаривали, и я упала. Стукнулась подбородком. Видите – кровь?

Она взяла Питера за руку, не давая ему уйти. Тот незаметно, как мог, качнул головой: молчи. Кейт без сомнения увидела его знак, но молчать не стала.

– Вы ведь медсестра? – спросила она и снова сплюнула кровью.

Жест получился невероятно выразительным: «Спасибо за заботу».

Миссис Стенхоуп приблизилась к девочке почти вплотную. Питер дернулся, а Кейт отступила назад. Мать не ударила Кейт, и на мгновение Питеру показалось, что она хочет помочь. Что как бы она ни злилась, перед тем как начать разбираться с Питером, она хочет убедиться, что с Кейт все в порядке. Однако миссис Стенхоуп несколько не интересовало, откуда у соседской девчонки кровь. Она наклонилась к ее уху, будто хотела рассказать секрет. Окинула Кейт взглядом от макушки до белых кроссовок с синими шнурками.

– Думаешь, ты самая умная... – наконец произнесла Энн.

Несколько дней назад она, как обычно, взяла две таблетки из своих пузырьков, но, вместо того чтобы проглотить, спрятала в скорлупу только что разбитого яйца и выкинула в мусорное ведро.

«Ты давно так делаешь?» – спросил тогда Питер.

«Делаю что?» – Мама подошла к нему и коснулась его щеки. Сначала казалось, она хочет его приласкать, но пальцы сжимались все больней и больней, и Питер отпрянул.

– Что вы сказали? – пробормотала Кейт.

– Я сказала, ты считаешь себя самой умной. Не так ли?

Кейт посмотрела на Питера, словно ожидая, что он переведет это на человеческий язык. Дверь дома Глисонов со скрипом распахнулась и с грохотом захлопнулась. Во двор выбежала Лина.

– Что случилось? – В ее голосе слышались и любовь, и испуг, и гнев.

Похоже, она уже сделала для себя все выводы. Питер готов был провалиться сквозь землю. Соседи прекрасно знали, что у его мамы проблемы, хоть и не говорили об этом вслух.

– Домой, – велела Лина дочери.

– Да мы вообще ничего не делали! Мне кто-нибудь объяснит, в чем мы виноваты?

– Быстро домой!

– Да что за фигня! – огрызнулась Кейт.

Мать резко развернулась и хлестнула ее по щеке.

– Мама! – выдохнула Кейт, пошатнувшись. Она старалась не заплакать.

– Миссис Глисон, вы что, ей же и так больно!

– Закрой рот! – оборвала Питера Энн.

Когда-нибудь мы сбежим, подумал Питер далеко не в первый раз. Будем жить одни, и никто нам больше и слова не скажет.

Мама расхаживала по кухне, а Питер стоял, держась за спинку стула, и не решался сесть. Наконец мама заговорила. Теперь ты знаешь, каковы эти Глисоны. Настоящий сброд. Подумать только, распускать руки посреди улицы, на глазах у соседей.

Питеру было что ей сказать. За лето он вытянулся и почти догнал отца. Он мог бы разнести кухню в щепки. Он мог бы выйти через заднюю дверь – отпихнув мать, если бы ей вздумалось встать на пути, – ворваться в дом Глисонов, схватить Кейт, вскочить вместе с ней в автобус и уехать куда глаза глядят. Все так делают, если припрет, – в этом Питер не сомневался. В конце концов, ему уже было четырнадцать, а Кейт исполнялось летом.

– Ты туда не вернешься, – голос Энн вернул Питера к реальности.

– Куда не вернусь?

– В ту школу. Там учатся дряни вроде этой Кейт Глисон, которая решила тебя захомутать.

– Ну и пожалуйста! Кейт тоже туда не вернется. Ты же знаешь, у нас выпускной через три недели.

– Нет, ты никогда туда не вернешься. Ни завтра, ни на выпускной. Совсем.

Питер уставился на мать:

– Что это значит?

– Ага, слушаешь меня теперь?

– Я звоню отцу.

– Никому ты звонить не будешь.

Она бросилась к телефону и вырвала провод из розетки. Кухню заливало послеполуденное солнце. Питер чувствовал его жар на коленях и кончиках пальцев.

– Ладно, мам. – Он поднял руки. – Договорились, я не вернусь в школу. А ничего, что все тебя ненавидят?

– Уходи к себе.

– Нет.

Она швырнула в него телефоном, но Питер увернулся. Он чувствовал себя упоительно свободным: сейчас расправит крылья и улетит прочь.

– Иди к себе.

– Нет.

Энн выдвинула ящик, в котором хранились половники, деревянные ложки, венчики, лопатки и тяжелый чугунный молоток для отбивания мяса. Схватила молоток и замахнулась на сына. Питер успел поймать ее запястье.

– Хватит, – выдохнул он. – Успокойся.

Мать выронила молоток, и тот с грохотом упал на пол. Энн с изумлением оглядывала кухню, словно оказалась в ней впервые. Питер аккуратно придвинул стулья к столу, один за другим.

– Ты больше не увидишь эту девчонку, – повторила мать.

– Увижу, – ответил Питер и вышел из кухни.

Отец предпочитал с матерью не спорить. «Хорошо, Энн», – говорил он бесцветным голосом и спешил найти себе какое-нибудь дело, чтобы поскорее прекратить разговор. Включал телевизор, уходил в гараж или отправлялся на несколько часов в паб «Кузнечик». «Ты права», – говорил он, отворачивался и вел себя так, будто все в порядке. Словно ему отшибло память. И болтал о какой-нибудь ерунде вроде цены на газ или о том, правда ли оленей стало больше или это только так кажется.

Исключением стал последний День благодарения, когда в Гиллам из Саннисайда приехал редкий гость – дядя Питера, брат его отца Джордж со своей новой женой Брендой. Джордж Стенхоуп был на десять лет моложе Брайана. Братьев в них никто бы не признал. Брайан был светлым и худощавым, а Джордж темноволосым, невысоким, крепким, с литой грудью и толстыми руками от ежедневного таскания металлических балок. Над брючным ремнем у него нависало небольшое брюшко. Бренда выглядела ненамного старше Питера. Она работала в профсоюзном комитете, выдавала страховки и пособия. До этого Питер встречался с дядей всего пару раз: в закусочной в Бронксе, потом еще на похоронах, куда отец взял его потому, что был четверг, лето, а мама не смогла уйти с работы. В закусочной Джордж между делом поинтересовался, собирает ли Питер бейсбольные карточки, и тут же притворился, что ему случайно попался новый выпуск. А на похоронах, пока взрослые толпились на кладбищенской парковке, он сложил вдвое двадцатидолларовую купюру и сунул ее племяннику в карман рубашки. Питеру тогда было лет шесть-семь, и он понятия не имел, куда девать двадцать долларов. «Готов поспорить, ты сейчас хотел бы оказаться где угодно, только не здесь», – прошептал дядя Джордж. Еще один раз, когда Питер вернулся из школы, Джордж помогал отцу выкорчевывать пень. Это было все равно что застать у себя дома звезду экрана. Вечером они втроем ели пиццу на заднем крыльце, и Питер надеялся, что дядя побудет у них подольше, быть может, даже переночует и останется на завтрак, хотя в глубине души знал, что Джордж постарается уехать до маминого возвращения.

Когда отец сказал, что Джордж с Брендой приедут на День благодарения, Питер запретил себе радоваться, чтобы не сглазить. В праздничные дни он с надеждой смотрел на дорогу, но и на День благодарения и на Рождество все машины сворачивали к Мальдонадо или Глисонам. К Стенхоупам не приезжал никто. Питер представлял, как Джордж войдет к ним на порог с целой пирамидой коробок с печеньем – к Глисонам все гости приходили именно так. Когда он все-таки приехал, то первым делом, даже жену не успев представить, потрепал Питера по плечу, и тот сразу почувствовал, что знает дядю куда лучше, чем можно было успеть за эти несколько раз.

– Как дела? – прогудел Джордж. – Ну ты и вымахал! Тебе отец что, удобрение в ботинки подсыпает?

Сначала все шло прекрасно. Взрослые говорили о выборах, жалели Майкла Дукакиса, спорили, заправду Китти сожгла флаг в колледже или это были происки сторонников Буша. Потом Питер вышел во двор опробовать подаренную дядей прыгающую палку-кузнечик. Кейт крикнула «привет!» из окна своей комнаты, и он помахал в ответ. Когда он вернулся, в гости-

ной назревала ссора. За те пятнадцать минут, что он был во дворе, мама успела вдруг проникнуться ненавистью к Бренде. Энн кривилась на каждое слово гостыи, даже не пытаясь скрыть это от Джорджа. Кажется, дело было в том, что он с Брендой не венчался, хотя Питер не понимал, что тут такого и кому какое дело.

Первым повысил голос Джордж. «Уймись!» – сказал он и вскинул ладонь, давая понять, что его терпение на исходе. В ответ Энн подняла крик. В разгар отвратительной перепалки она ринулась в кладовую, схватила пылесос, подняла его над головой и замахнулась. Бренда взвизгнула. Все успели увернуться, а стаканы, столовые приборы и блюдо с картофельным пюре полетели на пол. Питер еще никогда не слышал, чтобы отец так кричал. Мама, все еще сжимая в руках пылесос, крепко зажмурилась. Питер попятился – и пятился, пока не уперся спиной в стену. Когда Энн убежала в спальню, хлопнув дверью с такой силой, что содрогнулся весь дом, четыре человека, оставшиеся в столовой, огляделись по сторонам и посмотрели друг на друга.

– Какого хрена, Брайан? – спросил Джордж. – С чего она так взбесилась? Что мы сделали не так?

– Нельзя сделать что-то так или не так, когда не знаешь, что так, а что не так, – смиренно проговорил Брайан.

В его словах была мольба о милосердии. Горькая откровенность человека, который перестал справляться со своей жизнью.

– Разве я тебя не предупреждал? – продолжал Джордж. – Разве я не предупреждал тебя... Сколько? Пятнадцать лет назад?

– Джордж. – Брайан бросил многозначительный взгляд на Питера.

Но Джордж не стал притворяться, что все хорошо, как это обычно делают взрослые. Он смерил Питера изучающим взглядом:

– А тебя, как я посмотрю, ничем не проймешь?

Кто засмеялся первым? Наверное, сам Джордж. Отец принес из кабинета бутылку и не стал возражать, когда его брат плеснул немного Питеру. Энн спускаться явно не собиралась.

– Все в порядке, зайка? – спросила Бренда.

К тому времени братья говорили громче. Брайан принялся рассказывать о былых временах и, увлекшись, стукнул кулаком по столу. Питер не узнавал собственного отца.

– Ну да, все хорошо, – беспечно отозвался он, словно вообще не понял, о чем это она. – А что?

Первый глоток алкоголя огненной стрелой промчался сквозь горло в желудок. Питер выдохнул – казалось, дыхание стало жарче. Он прикончил остатки залпом, как взрослый.

– Как скажешь, парень, как скажешь.

Пюре размазалось по полу, стаканы валялись на ковре. По-хорошему, картошку следовало сгрести обратно в миску, отнести в кухню и выкинуть в мусорное ведро, а стаканы поставить на бортик раковины, чтобы никто на них не наступил и не порезал ногу. Питер покосился на остальных – все ли обуты? Но начать уборку означало разрушить возникшую в комнате атмосферу, – и он просто отвернулся, чтобы не видеть беспорядка. Отец никогда не говорил так громко. И не бил кулаком по столу. Питер толком не знал, радуют его такие перемены или пугают. Джордж раскачивался на хлипком стуле. Потом они перебрались в кухню, а в столовой так и остался разгром. Джордж подлил еще немного в стакан Питера. Брайан заметил, но промолчал.

– Я, пожалуй... – Питер взял рулон бумажных полотенец и принялся подбирать разбросанную по полу еду. Бренда намочила губку и присоединилась к нему.

Мать достала кубик льда из морозильника, завернула в тонкое кухонное полотенце и сунула Кейт в рот. Посасывая его, та пыталась осмыслить, что же произошло. Все зубы были на месте, но она так прикусила язык, что стоило повернуть голову, как из двух распухших

ранок снова шла кровь. «Думаешь, ты самая умная?» – спросила миссис Стенхоуп. Кейт сама не могла понять, почему так переживает. Может, потому, что и правда считает себя умной? А мать Питера как будто вскрыла ее тайну, запустила туда пальцы, покопалась и вытащила самое стыдное.

Все произошло слишком быстро, словно во сне. Возможно, взрослая женщина угадала в ней нечто такое, о чем Кейт сама не подозревала, а мама предпочитала не замечать, поскольку слишком ее любила. Пару недель назад у них был день без формы: всего за доллар любой ученик мог прийти на уроки в джинсах и свитере, как в муниципальных школах; собранные деньги должны были пойти на снаряжение для баскетбольной команды. Утром Кейт нанесла на скулы немного розовой пудры в надежде, что мальчишки это заметят. На тот же день назначили очередной урок полового воспитания, который раз в месяц проводила чета Галлахер. У них было девять сыновей, младший из которых учился в одном классе с Сарой, и, глядя, как Галахеры вместе идут по коридору – она низенькая и толстенькая, как пожарный гидрант, а он высокий, угловатый и совершенно лысый, – Кейт с трудом могла поверить, что эти двое занимаются тем, от чего получают дети.

Поздно ночью, когда родители и сестры уснули, а боль во рту немного притупилась, Кейт заметила, что на стене ее комнаты, напротив окна, пляшет луч света. Он мигнул и погас, но тут же загорелся снова. И снова погас. Когда он вспыхнул снова, Кейт встала с кровати и подошла к окну. Вокруг царил непроглядная темень, а в окне на втором этаже соседнего дома стоял Питер. Он направил на себя луч фонарика, осветив бумажный самолетик, который держал в руке, потом поднял раму и выпустил самолетик в темноту. Питер пытался подсветить его полет, но луч фонарика все никак не мог встретиться с белыми бумажными крыльями, и они описывали в ночной темноте дикие, затайливые танцевальные па. Самолетик приземлился на лужайке около дома Глисонов. Питер навел на него фонарик, потом направил луч света на Кейт, давая понять, что послание предназначено ей. Она кивнула и помахала в ответ.

Глава пятая

И в школьном автобусе, и на уроках – весь четверг Кейт только и думала что о встрече с Питером, перекаtywала эту мысль в уме, как теплый камешек в ладонях. Перед завтраком она успела выскользнуть во двор и подобрать самолетик, приземлившийся под кустом остролиста. Бумага намочила от ночной росы, но Питер предусмотрительно написал свое послание карандашом, чтобы буквы не расплылись.

– Ты что, на улицу выходила? – удивилась мама, когда Кейт вернулась в дом с мокрыми травинками, налипшими на босые ноги.

– Мне показалось, я забыла там книгу.

Мама, еще не успевшая выпить кофе и до конца проснуться, только пожала плечами.

«Сегодня в полночь, – гласила записка. – Нам нужно поговорить. Скорее всего, я не приду завтра в школу. Надеюсь, твои зубы целы. Встретимся у изгороди».

За завтраком Сара и Натали принялись расспрашивать сестру о том, что случилось накануне. Они поздно вернулись с соревнований по легкой атлетике и сразу пошли делать уроки. Сестры догадались, что что-то стряслось, когда Кейт отказалась выходить к ужину, а мать выгнала их из кухни, чтобы поговорить с отцом наедине.

– Это был вообще дурдом, – начала Кейт шепотом.

– Правда? – оживилась Натали, схватив яблоко из вазы.

– Я упала с валуна и прикусила язык. Кровищи было море. Тут прибежала миссис Стенхоуп, злая как черт, и говорит: «Думаешь, ты самая умная?» Потом подошла мама и как мне врежет...

На этом месте у Кейт кончились слова. Она не знала, как внятно объяснить сестрам, что произошло.

– Это из-за Питера? – спросила Натали. – Вы с ним глупостями какими-нибудь занимались?

– Нет! – выкрикнула Кейт и почувствовала, как под ложечкой собирается сгусток света.

Она училась в Святом Варфоломее, а Нэт и Сара уже перешли в «Гиллам-Хай», а значит, ничего особо захватывающего младшая сестренка им в принципе сообщить не могла. Все самое интересное происходило в старшей школе.

Сара наклонилась к Кейт поверх тарелки:

– Нэт встречается с Дэмиеном Ридом.

– Сара! – возмутилась Натали.

– Она никому не скажет! – пообещала за сестру Сара.

– А-а, – сказала Кейт, чувствуя, что ее собственная история окончательно померкла. Она понятия не имела, кто такой Дэмиен Рид.

Сара продолжала:

– Она сказала, что, если забеременеет, возьмет напрокат машину, уедет в Техас, сделает аборт, а родителям скажет, что была на соревнованиях.

– Сара! – На этот раз Натали разозлилась не на шутку. – Я тебя убью!

– Почему в Техас? – спросила Кейт.

Нэт вздохнула:

– Не обязательно в Техас. Главное – подальше.

– Что, прямо одна поедешь? – Если они надеялись ее смутить, то фиг им.

– Сару возьму, – серьезно ответила Натали и выразительно посмотрела на среднюю сестру. – И тебя, если захочешь. Только не сейчас, а через пару лет. А вообще я надеюсь, что это не понадобится.

Кейт задумалась.

– А если вам, девчонки, понадобится отмазка, вы всегда сможете сказать, что навещали меня в колледже, – подытожила Нэт. Осенью ей предстояло перебраться в Сиракузы.

Мама вошла в кухню и принялась вытаскивать из холодильника и хлебницы все, что требовалось, чтобы сделать девочкам с собой бутерброды.

– Все секретничаете. – Она отложила для каждой из дочерей по три куска хлеба, по сливе и по бутылке лимонада, потом открыла банку тунца. – Смотрите, на автобус не опоздайте. У меня нет ни малейшего желания кого-то подвозить.

Миссис О’Коннор дважды вызывала Питера Стенхоупа во время переключки. Физкультурник мистер Скъявоне объявил, что сегодня очередь Стенхоупа быть капитаном, и оглядел класс, прежде чем выбрать другого мальчика. Всякий раз, когда кто-то произносил имя Питера, Кейт замирала от ужаса и радостного волнения, как будто он был рядом, и тайком трогала разбитые губы, где вчера трогал он.

– А где Питер? – спросил кто-то по дороге домой.

– Заболел, наверное, – ответила Кейт, пряча улыбку.

Выйдя из автобуса, она старалась не смотреть слишком долго на окна соседнего дома, опасаясь, что ее могут заметить. Машина миссис Стенхоуп стояла во дворе. Парадная дверь была закрыта. Когда автобус отъехал от остановки, Лина Глисон – она как раз поднималась на крыльцо со стопкой писем – помахала водителю.

– Питера сегодня не было? – спросила мама, когда они вошли в дом.

– Не-а, – пожала плечами Кейт.

– Ну-ну.

Потом она делала уроки, ужинала, мыла посуду – все, что велели, и вела себя тихо как мышка.

– Как ты себя чувствуешь? Покажи-ка язык, – сказала мама, когда Кейт заявила, что идет к себе почитать перед сном.

Кейт широко раскрыла рот и высунула язык так сильно, как только могла.

– Ну, вроде ничего. – Лина убрала дочери волосы с лица и прижалась лбом к ее лбу, как делала, когда Кейт была маленькой. – Расстроилась из-за своего друга?

– В смысле?

– Боюсь, ему больше не разрешат с тобой играть, Кейти.

– Мы не *играем*, мама. Господи, мне же почти четырнадцать.

– Как бы то ни было, я уверена, что тебя к нему больше не подпустят. И ты держись от них подальше, ладно? Питер хороший мальчик, но от его семьи одни беды.

Ночью Кейт лежала на застеленной кровати и считала минуты. Натали и Сара жили в одной комнате с тех пор, как у них родилась беспокойная младшая сестренка. А что, если это было предопределено свыше, что отдельная комната досталась ей для того, чтобы они с Питером могли встретиться в эту ночь? – вдруг подумала Кейт.

Отец работал в вечернюю смену, значит, домой он придет не раньше часа ночи. В десять, когда сестры отправились наверх, Кейт уже была как на иголках. Ровно в одиннадцать закадровый смех из вечернего шоу, которое смотрела мама, оборвался и в доме воцарилась тишина. Кейт представила, что всего в пятидесяти футах от нее Питер делает то же самое: лежит и ждет. Если бы стены их домов расступились, они могли бы шагнуть навстречу друг другу. Скоро ее детство окончится, и хорошо – больше никто не сможет указывать ей, что можно, а чего нельзя, и Питеру тоже никто указывать не будет. Когда-нибудь они с Питером, сидя в ресторане и сделав заказ, будут вспоминать этот самый день как ни в чем не бывало. Раньше взрослая жизнь представлялась ей невероятно далекой, но теперь, когда часы наконец-то показали без двух двенадцать и Кейт надела кардиган поверх пижамы, будущее, казалось, было совсем рядом.

И Кейт была готова к нему. Готовность переполняла ее, когда она на цыпочках спускалась по лестнице и бесшумно поворачивала ручку задней двери. Оказавшись на улице, Кейт со всех ног бросилась к соседнему дому, где ждал Питер.

– Идем, – прошептал он, схватив ее за руку.

Не разнимая рук, они побежали на север по Джефферсон-стрит – кардиган Кейт развеялся на ветру, у Питера развязались шнурки – и свернули на Мэдисон-стрит, к ничейному дому, перед которым стоял плакат «Продается». Они пошли на задний двор, где бывшие хозяйка соорудили детскую площадку. Раньше здесь жила семья Тиг, их дети были чуть постарше Натали. Когда младший сын поступил в колледж, родители перебрались куда-то на юг, и с тех пор дом пустовал. По ржавой лестнице они забрались на горку. Питер спихнул со ступенек пустые банки из-под колы. Кейт чувствовала, как удары сердца отдаются в прикушенном языке.

– Я писать хочу, – пробормотала она.

– Ты просто нервничаешь, – отозвался Питер.

Все в нем теперь казалось взрослым, мужским: широкие ладони, изгиб губ, даже синева глаз. Они с детского сада привыкли сравнивать себя друг с другом, и теперь Кейт видела, насколько он сильнее и выше ее, насколько длиннее его руки и ноги, крепче мускулы. Какую огромную работу должен был проделать его организм, чтобы так вырасти. Когда они стояли рядом, ее макушка едва доставала ему до подбородка.

– А ты что, не нервничаешь? – спросила Кейт.

Она не знала, что делать, куда смотреть. Питер придвинулся ближе, бережно обхватил ее запястья, притянул к себе. Потом его пальцы поднялись к локтям Кейт, и она тоже обхватила его предплечья. Они держали друг друга за руки, словно собирались вместе прыгнуть. Оба молчали – молчали так долго, что говорить расхотелось. На Питере была майка с эмблемой «Метс». В последние два года он носил ее чуть ли не через день. Майка уже стала ему немного мала – ткань плотно обтягивала плечи.

– Есть малость, – ответил Питер.

Что-то странное было в их разговоре. Что-то странное помимо необычного места и времени, помимо того, что Питер сжимал ее так, словно хотел удостовериться – она и вправду тут, с ним.

– Твои точно спят? – спросила Кейт. – Нам нужно вернуться до половины первого.

– Кейт, – произнес Питер и приподнял ее ладони, чтобы сравнить со своими, как в детстве.

Он поцеловал ее пальцы. Перевернул ее руку и прижался губами к ладони. Кейт подумала: «Всю свою жизнь я шла к этому мгновению, к его теплым губам на моей коже». У него на майке, рядом со швом, были две дырочки – каждая размером с карандашный ластик. Питер обнял ее и поцеловал в губы.

Когда они прервались, чтобы глотнуть воздуха, Кейт дрожала, хотя теперь ей стало спокойнее. Она машинально вытерла губы ладонью, и лицо у Питера стало несчастное.

– Ой, прости, – рассмеялась Кейт.

По Монро-стрит проехала машина, и они проводили взглядами огни ее фар, мелькавшие среди деревьев. Машина свернула на Сентрал-авеню.

– Отец уезжает, – проговорил Питер. – Будет жить в Куинсе с моим дядей.

– Вы переезжаете?

– Только отец.

– Серьезно? Ох, Питер... Когда он тебе сказал?

– Вчера, после ужина. Ты же помнишь, мама взбесилась, когда застала нас вдвоем. Она позвонила ему на работу, он пришел; что было дальше, я не знаю. Она наговорила ему всякого, тут он, судя по всему, и принял решение.

– А почему ты не захотел уехать с ним? Или он тебя не звал?

Питер отломил щепку, торчавшую из доски.

– Знаешь, мне с ней проще, чем ему.

– А что она сказала?

Питер отломил еще одну щепку.

– Слушай, Питер! Ты точно не хочешь попроситься жить с отцом? Я буду очень скучать по тебе, но...

– Кейт, тут дело в том, что она, боюсь, без меня не справится. Понимаешь?

– погоди. – Кейт попыталась подобрать слова, но ничего не получалось, совсем как детстве. – Ну, чего она так? Может, мы все просто друг друга не поняли, и если мы...

Питер покачал головой и рассказал, что случилось в «Фуд-Кинге» под Новый год. Теперь Кейт стало ясно, почему в мусорном баке Стенхоупов валялись пакеты из «Эвергуде». В «Эвергуде» даже изюм и орехи продавали на развес, покупателям приходилось насыпать их самим. За пять месяцев в школе эта история не всплыла ни разу. Может, все на самом деле не так серьезно? Хотя нет, подумала Кейт, пожалуй, наоборот, все так серьезно, что взрослые стараются не упоминать об этом при детях.

– Питер...

– Я просто хотел тебя предупредить, что на какое-то время все изменится.

Он снова поцеловал ее, и второй поцелуй длился дольше. Его руки легли ей на талию. Она сначала робко, потом решительнее обняла его за плечи. Если вчера мать Питера пришла в бешенство, хотя Питер просто проверял, сильно ли Кейт поранилась, страшно подумать, что с ней делается теперь, если она зайдет к Питеру в комнату и не обнаружит его там. Кейт отстранилась.

– Мне ты можешь рассказать все. Я никому не скажу.

– Знаю. – Питер сел на корточки. – В детстве все было по-другому, а теперь... Непонятно. Я часто представляю, как рассказываю тебе обо всем, а когда дома скверно, вспоминаю, как ты меня смешишь. Или воображаю, что вы делаете дома с родителями и сестрами, когда собираетесь вместе. В детстве мне хотелось быть твоим братом, но потом я понял, что тогда не смогу на тебе жениться.

– Жениться! – почти выкрикнула Кейт и расхохоталась.

– Именно.

На крыльце соседнего дома зажегся свет, и они отпрыгнули друг от друга.

– Бежим отсюда, – прошептал Питер.

Кейт лезла по лестнице, а Питер скатился с горки. Они бросились через переулок – Кейт на бегу задела табличку «Продается», – промчались по Мэдисон-стрит, свернули на Джефферсон-стрит, и тогда Питер подхватил ее на руки, закружил и бережно опустил на землю. Запылавшиеся, возбужденные, счастливые, они бежали, пока в конце улицы не показались их дома, и лишь тогда остановились перевести дух под самшитовыми деревьями Нэглов.

– Прости, что вчера все так вышло, – сказал Питер.

Кейт разглядывала его лицо в неверном свете луны и вдруг увидела, каким он станет, когда вырастет. Она обняла его за шею. Он закрыл глаза.

– Забудь об этом.

Вчерашнее больше не имело значения. Они теперь были накрепко связаны словами, поцелуем, доверием, накопленным за целую жизнь, прожитую бок о бок. Бесшумно, словно лисы, вернувшиеся с охоты, Питер и Кейт выскользнули из-за деревьев и разбежались по домам.

Все обошлось бы, не вспомни Лина Глисон, что забыла выключить садовую поливалку. Только что посаженная гортензия за ночь рисковала утонуть. Лина уже засыпала, когда эта мысль заставила ее вскочить. Спустившись в кухню, она обнаружила, что задняя дверь при-

открыта. Лина застыла в изумлении, оглядела гостиную – не вернулся ли Фрэнсис? Или это она сама забыла закрыть? Потом Лина вышла в сад и, ежась от ночного холода, перекрыла воду. Земля под ее шлепанцами хлюпала. Вернувшись в кухню, Лина внимательно осмотрела дверной замок, затем поднялась на второй этаж, зашла в комнату младшей дочери и почти обрадовалась подтверждению своей догадки.

– Где ты была? – спросила Лина, когда Кейт вынырнула из-за куста остролиста и попыталась прошмыгнуть в дом. Увидев мать, сидящую на ступеньке заднего крыльца, девочка охнула и отшатнулась. – Где ты была, я тебя спрашиваю.

Ее голос звучал очень спокойно, и Кейт решила, что сумеет выкрутиться. У нее за спиной мелькнула тень пробиравшегося к дому Питера.

– Постой-ка, – приказала Лина, устремляясь через мокрую лужайку прямо в белых домашних шлепанцах. – Стой здесь!

Она обогнала Питера и постучала в дверь Стенхоупов.

– Мама, зачем? Подожди! Пожалуйста! – Кейт бежала за матерью, хватая ее за рукав, словно двухлетка. – Ты не понимаешь! Не надо им говорить!

На веранде Стенхоупов зажегся фонарь. Вспыхнул свет в кухне. Кейт посмотрела на Питера, стараясь его подбодрить, но тот лишь вздохнул.

– Ну вот, – произнесла Лина, когда Брайан открыл дверь, и оба оказались в пятне света на веранде. Она поплотнее завернулась в халат. – Можешь сказать своей жене, что ваш сын тоже не ангел. Это была его идея – чтобы им улизнуть посреди ночи. – Лина вытащила из кармана бумажный самолетик.

К дому Глисонов подъехала машина. Хлопнула дверь. Все услышали, как Фрэнсис прошел по дорожке, поднялся на веранду, зазвенел ключами. Включив свет на первом этаже, он направился к широко распахнутой задней двери.

– Что тут творится? – спросил Фрэнсис, подойдя, хотя Кейт готова была поспорить, что он сразу обо всем догадался.

– Вот у нее спроси. – Лина ухватила дочь за локоть, впилая пальцами в самое болезненное место и потащила к веранде.

Брайан распахнул дверь, и Питер, понурился, вошел в дом.

– Ой! – пискнула Кейт, стараясь вырваться из тисков.

– Что, больно? – осведомилась Лина и сжала пальцы еще сильнее.

За все годы, прожитые по соседству, Глисоны ни разу не слышали, чтобы Стенхоупы кричали. Теперь у соседей разразился скандал. Солировал женский голос, но к нему время от времени примешивались мужской и голос подростка – очевидно, Питера. Глисоны поневоле прислушивались, на время позабыв о Кейт. На лестнице появилась Сара.

– У соседей что-то стряслось, – сообщила она и тут же ойкнула, заметив Кейт: – Ничего себе!

Сбежав вниз, Сара плюхнулась на диван и стала ждать развития событий.

– Он уходит от них, – заявила Кейт, всеми силами стараясь задержать внимание родителей на скандале у соседей. – Мистер Стенхоуп. Переезжает к своему брату. Питер просто хотел мне об этом рассказать.

– Это тебя не касается, Кейт! – рявкнул Фрэнсис и стукнул кулаком по столу с такой силой, что вздрогнула даже Лина. – Ради бога, заведи себе новых друзей. Держись подальше от этой семейки.

Он знал, что сам виноват. Даже когда кричал на дочь, он знал, что это все его вина. Едва он впервые увидел Энн, как в голове зазвенел тревожный звоночек, но он так ничего и не предпринял. Потому что ему нравился Брайан. Потому что он думал: это же дети, ну что может случиться? Ребенку же надо с кем-то поиграть. В какой-то момент подsunем ей нового

приятеля вместо старого, она и не заметит. Саре и Нэт хватало друг дружки, но Кейт надо было разрешить приглашать домой одноклассников. Лина говорила, во многих семьях так делают. Очередная американская придурь: звать в дом кого-то с другого конца города, когда полно ребятни на улице. Но, наверное, стоило это разрешить. Или лучше бы Кейт почаще ходила в гости к Мальдонадо. Их дочка Сюзанна, прямо сказать, глуповата, а старший сын вечно витает в облаках, зато родители не психи. Но жена всегда говорила, что Питер и Кейт отлично ладят. Всё любовалась из окна кухни, как они торчат во дворе и болтают, болтают, болтают. Хорошо иметь друга, говорила Лина, да и все равно это не навсегда. Повзрослеют, наскучат друг другу – и разойдутся.

– Почему ты в этом так уверена? – спросил Фрэнсис вскоре после происшествия в «Фуд-Кинге».

Детская дружба от той новогодней истории не пострадала, но Брайан стал держаться с Фрэнсисом холодно, а иногда и вовсе враждебно. Людям проще винить в своих бедах других, чем себя.

– Таков переходный возраст, – ответила Лина. – Такова жизнь.

Кейт казалась такой тоненькой в своей легкой пижаме, почти как в детском саду, только выше. «Моя девочка», – всегда думал о ней Фрэнсис, хоть и старался не выделять никого из дочерей. Кейт в любую погоду рвалась из дома, пока ее сестры красили ногти в гостиной. Только она соглашалась составить отцу компанию во время субботнего похода в хозяйственный магазин, хотя отлично знала, что он проведет там полдня, болтая с другими копами, которыми жены велели что-нибудь починить или навесить. В клетчатых шортах и черных хлопчатых носках, натянутых до середины икры, все как один в рубашках с коротким рукавом (и у всех под рубашкой пряталось личное оружие), они подолгу крутили в руках молотки, гвозди и шурупы, не представляя, что с ними делать. Еще недавно все они были городскими жителями и, если что-то в квартире ломалось, просто просили управдома, чтобы все исправил. Ирландские корни Фрэнсису ничем помочь не могли: там, где он вырос, никто не выпендривался и не мостил полы веранды кедровыми досками. «А почему – у вас было патиио?» – как-то раз спросила Кейт. Как же он тогда хохотал. Когда дочка была совсем крохой, она рассаживала плюшевых зверей на лестнице и говорила, что у них инструктаж перед сменой.

А теперь ей было тринадцать, и у нее завелась отвратительная привычка вытирать нос ладонью. Лина всегда ее за это ругала.

– Послушай, Кейт. В жизни и так хватает неприятностей, чтобы специально на них нарываться.

Лина запретила дочери все, что только могла. Большая вечеринка по поводу выпускного? Что ж, можешь о ней забыть. И о телефоне с телевизором тоже. Кейт ухмыльнулась и сложила руки на груди. Она и так ни с кем не болтала по телефону. И телевизор почти не смотрела.

– И чтобы после школы из дома ни ногой, – добавил Фрэнсис, и ухмылка исчезла с лица Кейт. Сердце у нее екнуло. – И никакого больше автобуса. Мама или я будем тебя отвозить.

На лестнице возникла заспанная Натали.

– Что тут стряслось? – спросила она, глядя мимо родителей прямо на входную дверь. – Это Питер? Что он здесь делает?

Кейт вскочила и обернулась. Питер стоял на крыльце под погашенным фонарем и раздумывал, постучать или нет. Увидев, что все смотрят на него, он поднял руки, словно сдаваясь.

Фрэнсис открыл дверь.

– Что еще? – спросил он, глядя через плечо Питера в темноту.

– По-моему, на сегодня достаточно, – добавила Лина.

Питер понимающе кивнул. Он нервно сглотнул, и адамово яблоко у него на шее дернулось. Питер сглотнул снова. Обернувшись на свой дом и глубоко вдохнув, словно ныряльщик перед погружением, он переступил порог.

– Вы не могли бы позвонить в полицию? – спросил Питер, глядя только на Кейт, но дожидаться ответа не стал, а пошел мимо застывшего семейства через гостиную, через столовую, прямо в кухню, где на стене висел телефон, ровно на том же месте, что и в его собственном доме. Глухой шелчок снятой с рычага трубки прозвучал в полной тишине.

Лина хотела что-то сказать, но Фрэнсис жестом велел помолчать.

– Что происходит? – спросил он, направляясь в кухню вслед за мальчиком.

Питер пристально посмотрел на него, но не ответил. Он уже дозвонился.

– Да. Здравствуйте. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь на Джефферсон-стрит, дом семнадцать-одиннадцать. Да. Пожалуйста, быстрее. Моя мама схватила папин пистолет.

Лина прижала ладонь к губам, а Сара и Натали бросились к окну. Кейт не отрывала глаз от Питера. Фрэнсис покачал головой. Да быть не может. Парень что-то напутал. Вот поэтому-то свидетели из очевидцев никудашные. Раньше мать Питера уже брала пистолет мужа, и мальчик решил, что она возьмет его снова. Они с Брайаном сделали все возможное, чтобы скрыть это происшествие, но от этих детей ничего не укроется. Они слишком много видят, слышат и знают.

– Я пойду туда, – решил Фрэнсис.

– Подождите, – возразил Питер. – Пожалуйста, подождите.

Видя, как Питер держит синюю телефонную трубку, словно собираясь подать милостыню, Кейт понимала: он мучительно соображает, как разрядить обстановку, как удержать Глисонов подальше от разыгравшейся у него дома драмы, пусть даже он и воспользовался их телефоном. В этот миг Питер был удивительно похож на своего отца. Брайан Стенхоуп так же вечно старался не показывать виду, держаться, словно ноша его совсем не давит.

Фрэнсис не стал ждать. Оттолкнув Лину, он бросился к выходу и через мгновение уже стоял, широко расставив ноги, на потертом коврике веранды Стенхоупов и яростно колотил в дверь. Никогда еще Кейт не видела своего отца таким.

– Брайан! – орал он. – Энно!

Фрэнсис дернул дверную ручку и снова принялся стучать. После случая в магазине он собственноручно притащил Брайану оружейный замок. Это было первого января, хозяйственные уже закрылись, но у Фрэнсиса замков было два, запасной лежал в сарае. Когда они с Брайаном отперли дверь, из-за нее пахнуло сухой травой и бензином. Замок каким-то чудом нашелся сразу, и Фрэнсис научил Брайана им пользоваться, а потом плотно закрыл дверь сарая и велел выучить код наизусть и ни в коем случае нигде не записывать. Брайан ответил ему выразительным взглядом: думаешь, я совсем кретин? Фрэнсис разозлился: а кто ты, если твоя жена разгуливает по городу с твоим оружием?

Парень, скорее всего, ошибся. Наверное, его мать угрожала отцу на словах. С тех пор как он отдал Брайану замок, прошло около пяти месяцев. Вполне достаточно, чтобы заблокировать пистолет вошло в привычку. Раздумывая, что делать, Фрэнсис машинально провел ладонью по бедру, будто у матери Питера каким-то непонятным образом мог оказаться его собственный ствол. Он расстегнул кобуру и тут же снова застегнул. Хватит бредить. Вспомнилась история еще из Ирландии. У их соседей было двое сыновей, и оба утонули в колодце. Сначала погиб старший, а через три года младший, в таком же возрасте и почти при таких же обстоятельствах. «Посетил Господь! – горько прошептала мать Фрэнсиса, когда они с отцом говорили о случившемся у себя на кухне. – А ведь такое с кем угодно могло случиться!» Теперь ему хотелось вернуться на тридцать лет назад и воскресить давно умерших родителей лишь для того, чтобы сказать: теперь я точно знаю, что это неправда. С кем угодно такого случиться не могло.

– Фрэнсис! – крикнула с порога Лина.

У Мальдонадо зажегся свет, и у Нэглов. Питер не клал трубку, как и велел оператор, и смотрел на Кейт в надежде, что она даст ему знать, если на улице что-то произойдет. А может, лучше положить, думал он. Может, все уже обошлось. А он психанул, наделал дел и все испор-

тил. В выходные отец собирался переехать. Он сказал, что это ненадолго, но Питер решил, что больше не станет его ни о чем просить. Пусть болтает что хочет, а он, Питер, будет делать, как посчитает нужным. В тот же день он выпустил в окно бумажный самолетик, нисколько не беспокоясь о том, что его могут поймать. Оператор спросил, как все случилось, что за пистолет, заряжен ли он, но Питер не слушал.

– Пожалуйста, скажите им, чтобы ехали быстрее, – попросил он. – Как можно быстрее.

За дверью послышались шаги. «Иду!» – крикнула Энн Стенхоуп таким звонким и бодрым голосом, будто на часах было три пополудни. Фрэнсис обернулся и помахал Лине, чтобы она не боялась.

Энн распахнула дверь и отступила на несколько шагов. Фрэнсис сразу отметил, что в руках у нее ничего нет. На Энн была цветастая ночная рубашка с бахромой. На лице застыла гримаса, словно от боли. На секунду Фрэнсис подумал: а если парень наврал только наполовину? Что, если это Брайан схватился за оружие?

– Ты ранена? – спросил Глисон, делая осторожный шаг вперед.

Энн медленно сползла по стене и опустилась на корточки. Фрэнсис скользил взглядом по комнате, лестнице, полутемному пространству за полуоткрытой дверью. На улице завывала сирена.

– Где Брайан? – Фрэнсис продвинулся вглубь комнаты еще на несколько шагов.

– Прости, что все так вышло, – произнесла Энн.

Глисон посмотрел на нее; она и вправду выглядела виноватой, бледная, как привидение, измученная, сломленная. Внезапно она сунула руку под диванную подушку, с немислимой быстротой выхватила пистолет, навела на него и выстрелила.

Куинс

Глава шестая

В доме у Джорджа ели из бумажных тарелок. По выходным Питер с дядей ездили на Лонг-Айленд, где покупали шесть белых маек – Джорджу на каждый день – и упаковку из двух тысяч сверхпрочных, высшего качества бумажных тарелок. Они виселись на кухонной столешнице двумя башнями. Обеденного стола в квартире не было, и все ели перед телевизором, держа тарелки на коленях. В качестве приборов использовали столовое серебро, которое Бренда оставила, когда уехала к родителям. В раковине вечно валялись вилки, ножи и ложки. Еще Бренда оставила баночку крема для лица – Джордж засунул ее в самый дальний угол ванной, забаррикадировав со всех сторон пеной для бритья, «Олд спайсом», «Клерасилом», ополаскивателем для рта и зубными щетками, оставлявшими там и сям следы пасты. Принимая душ, Питер иногда открывал баночку, чтобы ощутить запах огурцов и свежего белья. На серебрястой крышке никогда не оставалось пыли, и Питер подозревал, что отец и дядя делают то же самое.

Брайана отстранили от патрульной службы, а когда скандал улегся, перевели в дорожную полицию. Их бывший дом почти сразу купила молодая пара из Рокуэя, и риелтор велел своему помощнику описать все имущество бывших хозяев. Все, даже посуду. Простыни. Пластмассовые контейнеры. Подставку для зонтов с тремя зонтами. Велосипед Питера, старенький «линкольн-логс». Каждый доллар шел на врачей и адвоката, и деньги утекали как песок сквозь пальцы. Брайана угораздило рассказать об этом сыну. Питер мужественно переносил все – арест матери, обвинение, судебный процесс, решение о принудительном лечении. Но вот это его добило – значит, по их дому шастали незнакомцы, пялились на его коллекцию наклеек, примеривались к его скрипучему стулу, и все это – пока они с отцом сидели на диване в Куинсе и смотрели «Свою игру». Брайан смотрел, как Питер переваривает эту новость. Ростом и шириной плеч он уже сравнялся с отцом. Питер густо покраснел. Брайан отвел глаза. Он совсем забыл, что сын еще подросток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.